

The illustration depicts a woman with voluminous, wavy blonde hair and striking green eyes. She is wearing a white lace-trimmed dress and a thin gold necklace. To her right, a man with dark, wavy hair is shown in profile, looking down. He is dressed in a dark green military-style uniform with gold buttons and a white cravat. The background is a soft-focus autumn scene with orange and red leaves and a few birds flying in the sky.

Анна Кошалит

СОКРОВИЩЕ ЛОРДА
ФИНИЕЛЯ

Анна Кошалит
Сокровище лорда Финиеля

«Автор»

2025

Кошалит А.

Сокровище лорда Финиеля / А. Кошалит — «Автор», 2025

На светлой половине Межморья, в пограничном городке Сирина, рушится жизнь двадцатилетней Эмили Мистраль. Её семья разорена, брат исчез, мать бежала, а всё имущество распродано. Эмили из последних сил пытается наладить свою жизнь — но что может одна девушка против целого мира? Всё меняется с приходом загадочной семьи Финиель, поселившейся в старом замке у черты города. Пока Сирина готовится к балам и празднику Сотни свечей, Эмили втягивается в старинную интригу, связанную с артефактами, открывающими путь к разоренной сокровищнице. Раскол в семье, предательство друзей, игры разума — всё это сплетается в историю, где любовь и доверие становятся последним щитом. Но достаточно ли того, что правда открыта, враг повержен, а всё, казалось бы, встаёт на свои места, — чтобы обрести настоящее счастье?

© Кошалит А., 2025

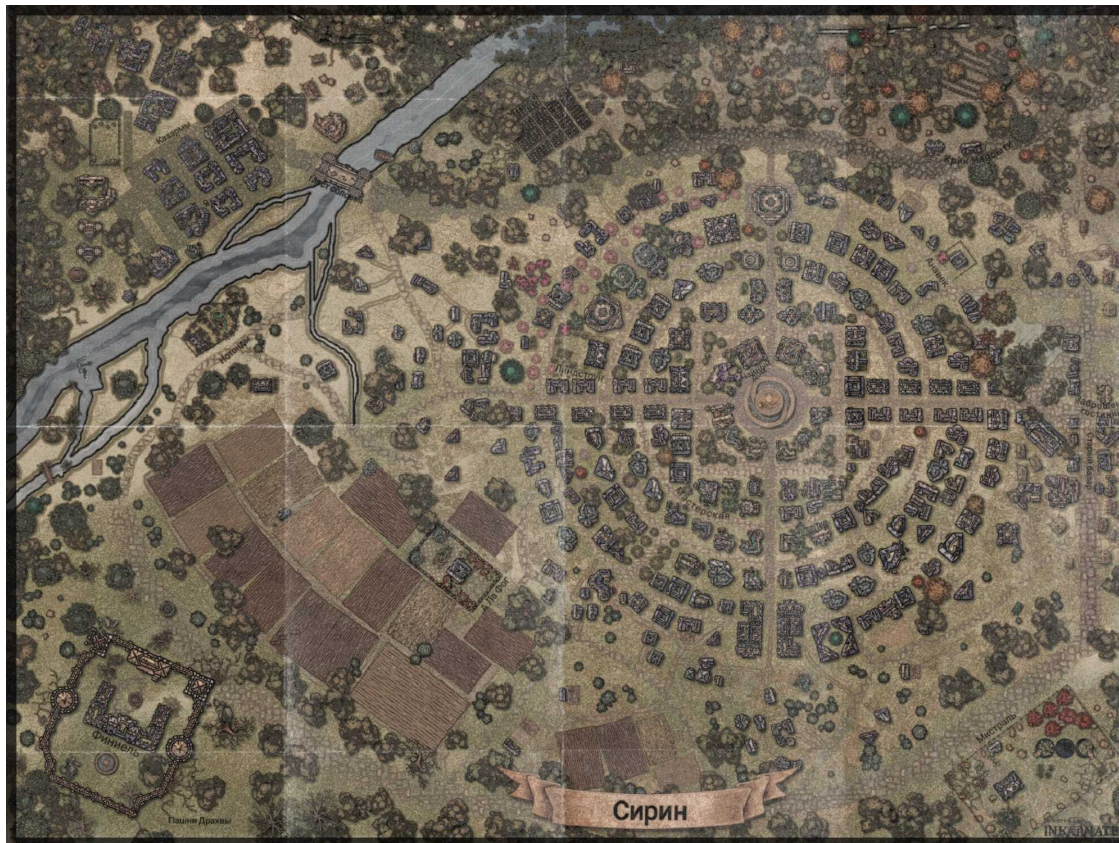
© Автор, 2025

Содержание

Визит из прошлого	7
Рулоны	13
Воронка	18
Энтони	23
Побег	26
Браслет	27
Интересное предложение	32
Воспоминание	37
Пьяный Фиб	42
Кольцо	46
Темный замок	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анна Кошалит

Сокровище лорда Финиеля

ЛУГДУНСКИЙ ШЕЛК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Визит из прошлого

– Эмили!

Голос подруги теплом отозвался в душе. Я повернулась, чувствуя, как трясутся руки от нервов.

Тонкая фигурка застыла в дверях. Занятно видеть ее такой: в длинном платье из искусственного фетра и с крупным, золотым жемчугом в волосах и серьгах.

Нилли очнулась первой, подскочила с диванчика и бросилась в объятия белокурой красавицы.

– Ах, Мэган, как же долго мы тебя ждали! – Нилли расцеловала гостью в обе щеки. – Боги, я и не думала, что буду так удивлена тебя увидеть наконец. Дай же взглянуть на тебя! – она оглянулась, призывая меня горячим взглядом. – Эмили, ну иди же сюда! Посмотри, как она изменилась.

– Эмили. – вновь позвала Мэган. Она сияла, как тысячи звезд, как луна, выходящая из-под серых облаков. А я... Мне вдруг стало не по себе. Поднимаясь на ноги, я внезапно поняла, что стала теми серыми облаками. Я мало писала ей о себе и теперь ожидала справедливой расправы, только не знала, в каком виде мне ее подадут: в виде сотен наводящих вопросов, или, может, она отвернется без продолжительных объяснений? А может, и то, и другое?

Но деваться некуда. Я это очень хорошо поняла за прошедший год – целый год ее обучения в Бланшире и моей осыпающейся, будто завядший куст на ветру, жизни.

Мне было страшно. Хотелось сохранить в ее памяти свой прежний образ – легкий, непринужденный. Но трудно было не заметить потрясение, промелькнувшее в ее глазах, когда я пошла к ней навстречу.

– Как же я соскучилась, моя дорогая! – Мэган обняла меня, лишь на короткое мгновение взглядевшись в лицо. – Мне так много хочется тебе рассказать! – в ее голубых глазах стояли неподдельные слезы.

– Ниоллин, попроси нам чего-нибудь согревающего, все же не лето... Да и сквозняки тут у тебя.

Ниоллин напряглась, но ничего не ответила. Да и вряд ли это того стоило. Не для того она терпела здесь мое присутствие столько вечеров, чтобы в одно мгновение все испортить.

– Вы не представляете, как тяжело было сюда добираться. Вдобавок ко всему карета просто развалилась на части на этих колдобинах. Хорошо, что нам повстречался знакомый отца: он помог с поклажей и вызвал мастера, – Мэган закатила глаза. – Замечательный человек! Если бы не он, мы ночевали бы под открытым небом, – она покачала головой, но затем мгновенно расцвела. – Ну и пусть, зато нас проводили с королевским удобством.

– Кто же этот доброжелатель? – участливо поинтересовалась я. Ее напряжение, завуалированное быстротой речи, я ощущала всем телом.

Да, голод был второй бедой, постигшей нас с болезнью отца. Из-за недоедания лицо мое приобрело землистый оттенок, глаза и волосы потускнели, а щеки впали. Руки я прятала в длинных рукавах, тонкую шею скрывала в высоком воротнике и одевалась теперь не по моде, а по необходимости и возможности. На встречу я надела лучшее платье в гардеробе – черное муслиновое – траурное, с похорон отца. А ведь еще недавно я бы в жизни не надела его вторично. О, с какой ледяной отстраненностью я когда-то принимала его из рук брата, вернувшегося на отдых со службы в Морине. Теперь это платье – память о той невыносимой роскоши, среди которой шло ко дну наше родовое судно. Теперь это платье – единственное, что я оставила себе для важнейших событий. А все потому, что я слегка иронична. Наверное.

Ни одно украшение, ни одна побрякушка не ушли раньше отца. Сначала опустел стол, потухли камин, увяла мать. Нас покинули слуги, кончились свечи. Мы медленно гибли в

блеске и страхе, что в любой момент нагрянут падальщики. Отец же упрямо отказывался признавать, что мы все потеряли.

В последний вечер перед его смертью мы с матерью сидели в его покоях у окна и вышивали при свете луны. На матери был фамильный гарнитур с бриллиантами, на мне – ожерелье из голубого жемчуга. Платья наши и обувь были расшиты кристаллами так, что блики света бегали по потолку звездными зайчиками.

Мэган дернула плечиком, рассматривая обстановку гостиной семьи Энавек с преувеличенным вниманием, лишь бы не глядеть на меня.

– О, ты его не знаешь, – произнесла она порывисто, – он недавно вступил в должность в палате. Никогда не поверишь, какие угодья заприметила его семья в наших окрестностях! То место близ твоего поместья, Эмили, где развалины... Как же?... На пашне драхвы, точно. Представляешь? Я была в ужасе! – Мэган нервно рассмеялась. – Естественно, я спросила, видели ли они покупку перед приобретением, но лорд Финиель только отмахнулся и сказал, что не ему там жить, а кому, так и не ответил. Да кто там вообще может поселиться? Там одни руины. Деревья прогнили, дорогу пробуравили корни. А стены?! К ним прикоснись – они крошатся, как печенье. Нет, человек он определенно хороший, да и семья у него сердечная, сразу взялись помочь, когда нас на обочине увидели, но все-таки я думаю, он либо ненормальный, либо задумал недоброе, раз в старый замок подался. Вот у реки, рядом с Нотондами, совсем другое дело, да и продают там почти задаром.

Подруга все говорила и говорила, крепко прижимая меня к себе и подводя к диванчику у огня. Она отпустила меня, усадив ближе к теплу камина, и бережно подложила подушечку мне под спину, при этом ни на миг не умолкая. Она всегда так делала, когда сильно нервничала, мне оставалось лишь кивать.

– ... совсем обеднели, наверное. Чуть не забыла: Пиофоны ждут нас сразу после праздника на пикник. Линталь написала, что они заканчивают обустроить красивый родовой парк. Я ей, конечно, не поверила, слышу это уже в четвертый раз, а за это время мы и сами свой парк перекроем и сделаем это раз в пятьдесят скорее, чем они, – отец уже присылал мне чертежи... К зиме откроем, – она быстро обернулась, услышав звук открываемой двери.

– Нилли, ты позвала кого-нибудь? Право, дорогая, мы здесь скоро окоченеем.

– Пойду узнаю почему так долго, – пробормотала Нилли и ускользнула за дверь с кислой миной на круглом личике. Мэган она на дух не переносила, но терпела стойчески по настоянию родителей.

Мэган А Ла Фог была любимой и единственной дочерью своих родителей из привилегированного класса. Находиться в ее окружении означало получить ключ ко множеству запертых дверей и обзавестись полезными связями, в нашей глуши необходимыми. Раньше я была той, кто открывает двери дебютанткам в высший свет, той, кто одной благосклонной улыбкой дарит пропуск в игровой клуб или разрешение на мелкую ссуду. Теперь у меня под ногтями земля.

Воспользовавшись отсутствием посторонних ушей, Мэган осторожно склонилась ко мне и тихо спросила:

– Как он? – перешла она на вильтийский. Все ее тело напряглось, на гладком лбу прорезалась морщинка.

Конечно, она хотела знать. В каждом письме спрашивала о нем, в каждом адресовала ему несколько строк. Передавала привет, беспокоилась о здоровье, просила совета. Боюсь, наша скорая встреча тоже последствие ее нетерпения. Она считала, что с глазу на глаз я стану сговорчивей. Я пожала плечами и замотала головой.

– Он уехал сразу после тебя, – сообщила я, стараясь говорить спокойно. – Очень редко приходят письма, всегда из разных городов.

– Один?

– Не знаю. Думаю, да. – я бездумно подняла со стола натянутый на раму пергамент на котором мать Нилли уже создала грубый набросок виверны. – Он почти не пишет. Я получила всего четыре письма за прошедший год.

– Что он в них пишет? – допытывалась Мэган, привлекая к себе внимание тем, что отобрала миниатюру и положила обратно рядом с фарфоровой палитрой, выдавшей времена и получше.

– Трудно понять... – уклончиво произнесла я и взяла в руки кисть. – Он жив и это главное.

Мать Ниоллин многие годы талантливо создавала полномасштабный бестиарий параллельного мира, с дивными книжными миниатюрами от которых глаз не оторвать. Но кисти ее были старыми и лохматыми, ломкие ворсинки топорщились в разные стороны, пропитанные высохшими остатками киновари и лазурита. Впрочем, как и многолетние кисти, гостиная Энавек так же не могла похвастаться ни мебелью, ни утварью. Обивка покосившегося диванчика выцвела и потерлась, от каминной полки отломан уголок, а за письменным столом заметен оторванный кусочек старомодной штофной ткани коей обиты стены всего дома.

– То есть ты хочешь сказать, что он разорил вас и просто исчез? Раз он пишет с разных адресов и ты не знаешь, где он, значит, он еще не уведомлен о смерти отца?

Я мотнула головой и промолчала. Да и что я могла сказать, когда в груди закипала обида. Не на Мэган, конечно, но на все остальное мое бывшее окружение, столь живо растрепавшее миру о нашем падении. Минуту назад меня колотила мелкая дрожь при мысли о том, что придется все рассказать и наверняка раскиснуть в стенаниях на ее плече, а теперь... Вместо облегчения странная горечь подступила к горлу.

Силой я заставила себя улыбнуться. Это не ее вина, она всего лишь хочет знать о брате. Очень хочет. Настолько, что вцепилась тонкими пальцами в складку платья и остервенело ее теребит.

– Скажи, я могу ему чем-то помочь... Вам? – Мэган слегка запнулась и подняла на меня полные непролитых слез глаза. – Почему он не вернется домой? Он должен быть тут, вы остались без мужчины в доме. Совсем одни!

– Он в розыске.

– Ну и пусть. Пусть предстанет перед законом, что ему могут сделать? Он должен поступить правильно, во имя своего рода и своей семьи.

– Его казнят.

– Это же безумие! – вскинулась она. – Вас не могут лишить последнего наследника. Род Мистраль – один из девяносто девяти, и если его казнят, род иссякнет. Этому не дадут слушаться.

– Я видела приказ. – выдохнула я и отложила кисть Ланси Энавек, которую теребила столь беспокоило что посыпались хрупкие волоски. – Как только его найдут, казнят незамедлительно.

Мэган взволнованно укусила себя за костяшку указательного пальца, едва сдерживая слезы.

– За что, Эми?

– Нам так и не удалось узнать подробностей, но известно одно – он совершил что-то чрезвычайно серьезное. Такое, что даже королевская палата была вынуждена вмешаться.

– Что вы теперь будете делать?

Не найдя ответа, я жалко пожалала плечами. Вздохнув, Мэган закрыла заплаканные глаза, но вдруг распахнула их и выпрямилась, осененная идеей.

– Может, обратимся в Риалион? У отца там связи, да и их представитель обязательно прибудет на праздник Ста Свечей. Нужно появиться в свете, Эми. Там много влиятельных людей, там выход.

– Не знаю, чем Риалион может нам помочь. Они выдают содержание вдове, только если ее муж погиб в сражении. Нас просто осмеют. Единственный выход – мое удачное замужество, но, как ты сама понимаешь, предложений взять бесприданницу, да еще и с долгами, пока не поступало. К тому же теперь я родственница предателя, на брак со мной не пойдет никто в здравом уме.

– Фу, какие глупости! Что с тобой, Эмили? Я же говорю, у отца связи, мы можем хотя бы попытаться... Раз уж тебе не терпится выйти за кого-нибудь, нет лучше места для поисков подходящей кандидатуры, чем на празднике. Нужно делать хоть что-то. И обязательно просить о помиловании. Это, дорогая подруга, в главную очередь.

– Ты, должно быть, права...

– Конечно, права! Я всегда права, дорогая моя. К тому же, праздник открываем в этом году мы, ты просто не можешь не появиться! – она заулыбалась. – Будет незабываемо!

– Не сомневаюсь, – я ободряюще коснулась ее руки. В ответ, она подняла глаза и действительно посмотрела на меня. Не тем невидящим взглядом, озабоченным вестями о брате, а открытым и дружеским. Впервые за всю жизнь мне выпало наблюдать за тем, как Мэган потеряла дар речи. Она даже невольно сглотнула, не сумев сдержать испуга. Сказать, что меня это задело, – ничего не сказать.

Вернулась Нилли, и мы обе облегченно выдохнули. Сразу за ней вошел тощий пожилой слуга с подносом и важно расставил на столике расписной кувшин с горячим вином, блюдо с миниатюрными тарталетками и фаянсовую посуду, столь оберегаемую матерью Ниоллин, – все, чтобы обозначить значимость визитера, в то время как Мэган и бровью не повела, что расстроило, кажется, даже слугу.

– Что вы опять затеяли? – спросила Нилли сверкая разозленными глазищами.

– Мы собираемся на бал, – сообщила Мэган перейдя вновь на всеобщий язык, и принимая из мягких рук Нилли маленькую чашу с подогретым вином, слабо улыбнулась.

– Правда? – Нилли с подозрением покосилась на меня. – Уверена?

Я кивнула, хрустнув круглым жареным хлебцем с чесноком и томатом. Мэган права: нельзя сидеть сложа руки и дуться на высший свет за сплетни и полное уничтожение нашего имени на этой почве. На то он и высший, чтобы искоренять и давить каждого, кто хоть немного слабее.

– Вот и отлично, – Мэган ласково сжала мою ладонь и обратилась к Ниоллин:

– Надеюсь, и ты придешь, будет как в старые добрые времена.

– Если ты про прошлый год, то я, пожалуй, воздержусь, – отстраненно бросила та.

– Как пожелаешь, – отмахнулась Мэган. – Да, кстати, пригласи мою горничную, я привезла вам подарки.

Я метнула непонимающий взгляд на Ниоллин. Все это время мне казалось, что она дожидалась Мэган только ради этого приглашения. И меня держала при себе ради встречи с ней. Но на лице Ниоллин проступала гримаса тщательно скрываемой неприязни, и если бы я ее не знала, не заметила бы. А когда через минуту вернулся Нант и на наши с Нилли колени легли мешочки лазурного бархата с золотой эмблемой Кратоса, она стала совсем пунцовой от злости.

Мне достался длинный синий плащ из мягкой и тонкой шерсти с подвязками и золотой фибулой в виде розетки.

– И где ты их только достала? – удивилась Нилли. Едва приоткрыв свой мешочек, она вдруг испуганно его сжала и воззрилась на невозмутимую Мэган.

– У меня появился новый воздыхатель, он помог достать вам подарки прямоком из Кратоса, – смахнув блестящие слезы с бледного утонченного личика, Мэган просияла улыбкой. – В Бланшир приезжают учиться со всех уголков страны, и некоторые из студентов пользуются кристальными гонцами. Так что тут сыграло мое обаяние и то, что у кого-то достаточно средств на гонца.

– Он пользуется кристальными гонцами? – подняла брови Нилли. – Это надо же! Кем нужно быть, чтобы заказывать их ради чужих капризов?! Он что там, наследничек всего Кратоса? Или, может, восставший из мертвых герцог?

Мэган невесело рассмеялась.

– Ну что ты, это мы здесь из нашей глуши видим все это вершиной богатства. Сирин давным-давно состарился и разорился – слишком близко мы к границе. Эта вечная война отбивает у нас все, а те, кто подальше, довольны собой и своей жизнью, моя дорогая.

– Конечно, они довольны, а как же иначе! – фыркнула Нилли возмущенно. – В их дома не летят камни с катапульта, их людишек не косят горящие стрелы, их не грабят, поля не жгут, а в окна не заглядывают морды собачонок Темного лорда. Они живут в свое удовольствие и шлют на границу жалкие подачки, дабы успокоить совесть.

– А еще они шлют представителя на праздники, дабы не обделить нас своим вниманием, – Мэган не прониклась отповедью и подмигнула мне. – Успокойся, Нилли, ведь никто не заставляет тебя здесь оставаться. К тому же, с чего ты так взъелась против всего Анарфеля? Многие люди покидают родные края, чтобы поступить на пограничную службу, многие жертвуют состояниями, возмещая наши убытки.

– Наши убытки?! – разозлилась Нилли. – Они едут сюда только затем, чтобы, вернувшись, возрадоваться, что вся эта нищета не на их порогах. Они приезжают на годик, не более, и уезжают храбрыми героями в свои нетронутые города.

– Вот и ты однажды уедешь отсюда в прекрасное место без кровопролитий и с возможностью в любой момент использовать гонца...

– Как же ты изменилась! – скривилась Нилли. – Нет на свете места прекрасней, чем Сирин, никакие денежки не заменят нам нашего любимого дома...

– Говори это себе почаще, когда в следующий раз к вам пристроят босоногих солдат, и они съедят все, что твои люди запасали на зиму. И не удивляйся, когда через год приюты вновь переполнятся голодающим выводком. Твой Сирин продолжит порождать нищету, а высший свет ее подкармливать, для того чтобы однажды бросить молодых в костер войны. Все это политика, дорогая... Бесконечный круг несправедливости, но такова жизнь.

– Ты что там, душу продала в этом своем Бланширчике?

Крайне редко я видела Нилли в таком расстройстве: губы побледнели, глаза горят, а на щеках два красных пятна.

– На тебя страшно смотреть! – она продолжала негодовать. – Эти солдаты умирают на нашей земле ради нас, а я должна думать о том, сколько пищи они употребили перед смертью? Кому отдали сердце?

– Сердце? – лицо Мэган стало жестким, как маска. – Если бы дело было в их сердцах, они не мчались бы обратно за бумагами об освобождении. Будь хоть каплю благоразумней. Никто, заметь, даже эти тобой горячо почитаемые солдаты не спешат связать свою жизнь с Сирином и обзавестись здесь семьей. Так в чем же провинился Кратос или тот же Бланшир? Чем они хуже? Единственные, кто здесь гниет с рождения до самой старости (если повезет) это мы, дорогая. Нам с пеленок твердят, какая огромная честь быть Сиринцами, что ни за какие блага мы не променяем его...

– Хватит. Это ни к чему не приведет, – я попыталась их остановить, но лицо Нилли уже покрылось пятнами гнева, а Мэган подалась вперед и упрямо выпятила подбородок.

– Конечно, не приведет, – согласилась со мной Нилли, поправляя прическу. – Мэган всегда мечтала вырваться отсюда, всегда думала, будто смазливое личико и денежки – это все, что требуется для обретения счастья. Ей не постичь нас с тобой, Эмили, – наши мысли и чувства высоки, как вершина Киарана. Пока она будет заказывать побрякушки с разных концов страны, нас с тобой будут почитать, любить и помнить. Ей никогда не постичь нашей стойкости. Нас не пробить какими-то долгами, Эми, и нам не нужен дурацкий бал, чтобы кому-то что-то дока-

зять. В то время как подобные ей встают на колени, моля о помиловании, мы поднимаем меч. Мы слишком, слишком разные, – с неподдельной горечью подытожила она.

Я была настолько ошеломлена происходящим, что не могла произнести ни слова. Вдобавок у меня не было собственного мнения, касающегося их спора, и ничего стоящего не приходило в голову. Война волновала меня не многим сильнее растущих цен на обучение или мясо – ни то, ни другое мне в ближайшее время не светило.

Развернувшись к Мэган всем своим округлым телом, Нилли бросила подарок на колени подруги и добила:

– Таким, как ты, не место в Сирине и в моем доме, Мэган А Ла Фог.

– Тебе не кажется, что ты немного перегибаешь? – осведомилась Мэган, встав с мешочком в руках и невозмутимо направившись к двери. – Да, кстати, в следующий раз, когда задумаешь подслушивать, попробуй не передавать весь разговор минуту спустя тем, кто его вел.

– Я ничего не слушала нарочно! – громко воскликнула Нилли. – Я стояла прямо у двери. Но как только ты вспоминаешь о Дамиане, сразу ничего вокруг не замечаешь. Как он? Я могу ему чем-то помочь? – передразнила она. – Не можешь! Он влюблен и счастлив, – последние слова прозвучали, как пощечина.

– Он не счастлив! – вырвалось у Мэган прежде чем, она выскочила прочь и хлопнула дверью.

Немного придя в себя от разыгравшегося спектакля, я окинула Нилли строгим взглядом:

– Не надо было с ней так, Ниоллин.

– Знаю... – стыдливо призналась она. – Но и ты не могла не заметить ее напыщенность. Стоило ей войти, как она принялась жаловаться: холодно здесь, голодно там, гонцов у вас нет, а солдат ваших вы нашли на помойке...

– Не преувеличивай.

– Года не прошло, как она стала чужачкой. Откуда только у них завелось столько добра? Еще год назад говорили, что ее отец с концами разорен, а теперь они нанимают лучший экипаж и намечают бал.

– Развалившийся на части экипаж, – напомнила я. – Почему бы тебе просто не порадоваться, что у кого-то все наконец встает на свои места?

– Да рада я! – Нилли с шумным выдохом откинулась на стенку диванчика. – И то хорошо, что она нашла себе новую цель и устала бегать за твоим братом.

– Ты сильно задела Мэг, – пробормотала я. – Но ничего страшного, у тебя еще будет шанс исправиться, если ты, конечно, не сдурела окончательно. Пойдем со мной на праздник, там и принесешь свои извинения. Это все пустяки, мы и не так ссорились когда-то.

– Не пойду. И тебе лучше держаться в стороне от А Ла Фог всех вместе взятых. Не удивлюсь, если наши подарки – доставка темной контрабанды.

Я устало выдохнула и отпила еще теплого вина. Нилли славилась своим своенравием. В особенно пагубных для нее ситуациях обычно спасала рука ее суровой матери или острый язык отца. Теперь же пришлось мне самой срочно предотвращать катастрофу.

– Позволь дать тебе чистосердечный дружеский совет, – произнесла я твердо, – лучше сходи и попроси прощения. И никогда не держи на нее обиду. Она такая, какая есть – открытая и веселая болтушка, но только в кругу друзей. Я и врагу не пожелаю встать у нее на пути.

Рулоны

Утро выдалось прохладным и ветреным. Предрассветные сумерки я провела за хозяйством: покормила и выдоила недавно приобретенных коз, увела их к соседям, собрала яйца, поставила пирог, покормила кур, прибрала хлев и искупалась в ледяной бочке. К четвертому биению поднялась в дом, чтобы надеть чистое выглаженное платье и белый передник. У меня имелись последние капли масла с приятным запахом малины, которыми я намазала запястья и шею. Выглядела я простой, но опрятной служанкой. Так одевались еще недавно все слуги в нашем доме. Незаметный народ, обитавший в стенах нашего поместья, столь резво избавивший нас от своего присутствия в миг невзгоды. Теперь наши службы и двор опустели. Нет, я не держала зла, но где-то, на самом доньшке души, осела обида и на судьбу, и на всех тех, кто отвернулся от нас стремительнее прочих.

Последние месяцы были игрой на выживание – учись или погибни. И я училась. Училась, что капусту лучше высаживать в тени, а томаты любят солнце. Что если приставить нож к краю полена и несильно ударить по нему обратной стороной топора, получится щепка. Что корень тех неприглядных цветочков на берегу реки можно применить в стирке или на худой конец попросить у соседей шелок из древесной золы. Что ранней весной рыба вялая, – плохо идет на крючок, – и нужно искать мелководье, залитое солнцем, и лучше после полудня. Что все, что появляется на столе, добывается тяжелым трудом. Что мясо – небывалая роскошь, но даже эта роскошь, убитая твоими руками, не лезет в горло.

Я узнала за прошедший год гораздо больше, чем за всю жизнь. И самым ошеломляющим потрясением оказалось то, что одной магии недостаточно. Что даже если я и использовала свои знания в быту, на деле во мне ее оказалось слишком мало и хватало только на укладку прически и другие мне теперь не нужные шалости, такие как покрытие кромки воды в стакане слоем льда, подъем в воздух тонкой книги или вызов прислуги. Все эти маленькие трюки, которым так умилялись родители, как оказалось, были ни на что не годны в быту.

Дела по хозяйству получались у меня из рук вон плохо, но мы выжили. Выжили еще и потому, что я на свой страх и риск открыла маленькую швейную мастерскую, вложив средства от драгоценностей, которые пожертвовала для меня мать. Ей было далеко до отца с его железными принципами, но все же она всегда была дамой голубых кровей, считающей, что деньги берутся из ниоткуда и правомерно обязаны уходить в никуда, что ее браслеты «близнецов» должны остаться при ней, как и девять колец с ожерельем Фатриада. Она сетовала на судьбу, на богов, на друзей-предателей и любовника-изменника. Могла целыми днями запирается в своих покоях и спать, а могла не спать сутки напролет за любимым занятием – вышиванием. Тогда я и решила открыть свое дело. И нам очень с этим повезло. Благодаря приятелям Фибя, нашего бывшего помощника и управляющего, мне доставили хорошую ткань, крепкие цветные нитки и пуговицы по приемлемой цене.

Первый сезон покрыл и аренду, и заказ ткани. И вот близился второй. У нас наготове были не только наряды для зажиточных простолюдинок, но и скатерти, и простыни. Кому не нужны новые стеганые одеяла на зиму? А кружевная нижняя юбка? А шторы?

Близится праздник Ста Свечей, и люди будут счастливы порадовать дом чем-то новым и нарядным, пусть простым, зато без дыр и пятен.

Все, что я шила, было весьма нехитро. Мама выполняла особые заказы, которые передавал Фиб. У нас намечалась первая маленькая победа и прибыль, которая за последующие пять лет могла бы покрыть оставшийся долг, конечно, в случае расширения нашей мастерской и согласия ростовщиков из столичного банка.

За домом все не приходили кредиторы и, хотя его цена в три раза превышала задолженность, мы жили в вечном страхе, что у нас отнимут и крышу над головой, как отняли семейное ювелирное дело, земли, конюшни и те самые украшения, так рьяно оберегаемые матушкой. Но ждать, когда отберут семейное поместье, я была не намерена. Я мечтала о нормальной жизни, не о прежней, но все-таки. Быть может, до тех пор я вышла бы замуж, а может, и нет, – мне не хотелось лгать себе о своем весьма шатком положении. Впрочем, мне нравилось мечтать, что у нас получится даже больше, чем я рассчитывала, и я сумею сберечь поместье и родить наследника, который получит наше имя. Это могло случиться только в том случае, если мой муж будет значительно ниже меня по происхождению и... Если брата признают погибшим.

Дамиан. Как бы я ни старалась, но не смогла не возненавидеть его. Отец до последнего вздоха доверял ему: с какой тоской он говорил о нем, с какой верой каждый день справлялся о его возвращении... И это предательство... Я никогда ему не прощу.

Я не вспоминала о нем. Заставляла себя не думать, пока не получала писем от Мэган. У меня и теперь не было никакого желания просить о его помиловании, – меня радовало, что он числится в бегах. Теперь же мне придется представлять из себя несчастную разоренную родственницу, и то лишь для того, чтобы попробовать уговорить Риалион – военное пограничное сообщество – выдать нам годовое содержание как семье с длинным списком служивших. Будучи полностью убежденной в ожидаемом провале, я все же заставлю себя пойти на бал и разыскать представителя, чтобы не корить себя потом за то, что не попыталась.

Я отперла дверь в швальню и блаженно вдохнула её особый запах.

У меня болела спина, на ладонях выросли мозоли, но на лице моем расцветала улыбка каждый раз, когда я надевала темно-серый мешковатый плащ, набрасывала капюшон и летела за новым заказом.

Весь город голосил о том, что я взбесилась, потому что решила отбить у кредиторов поместье своими холеными ручками. О том, до чего же я опустилась, когда решила завести свое дело, наплевав на их убеждения на мой счет.

Я порхала над полками, прибирая их, плясала над полами, натирая их, раскладывала, перекладывала, проверяла счета, резала, шила, наматывала, отмеряла и снова резала, и снова шила до тех пор, пока ночь не накрывала город своей непроглядной тенью.

Но сегодня улыбка так и не расцвела, хотя плечи обнимал мягкий новый плащ, а на груди сверкал золотой аграф самой искусной и тонкой работы, какую я встречала. Еще год назад ничто не омрачило бы мне первый день права на этот теплый желтый блеск благородного металла. На крошечные буквы, летящие по нему, на редкие обсидианы в кругу небесно-голубых топазов, на тяжелую магию пропитавшую его. Да, Мэган здорово постаралась. Не будь мои предки ювелирами, я бы, может, и не заметила этого небывалого великолепия – А так, настоящих мастеров в округе уже не найти. За мамину берилловую диадему, подаренную ей отцом на рождение сына, я с горем пополам купила эту маленькую мастерскую. Продать это великолепие не получится, но почему-то от этой мысли мне было немного легче на душе.

Сегодня я долго не находила себе места. Все кружила от стола к окну, от полок к двери, кусала губы и не заметила, куда умчался полдень. В какой-то момент я осознала, что от переживаний окончательно испортила обновку, вырвав украшение с корнем. Сунула его в карман. Споткнулась. Потом, слишком резко развернувшись, налетела на стол и смахнула все, что на нем лежало. Такой и нашел меня Фиб – ползающей на четвереньках и бранящейся, как обожженный кузнец. Он не без усилий закрыл тяжелую дверь, но так от нее и не отошел, теребя что-то в руке.

– Плохие новости? – поднимаясь, спросила я. Поясница изнуряюще ныла. Фиб резко покачал головой, пытаясь собраться.

– Нет, госпожа... Только...

Выглядел он несколько помято и тревожно. Покусывал белые усы и теребил бороду.

– Поступили заказы? – подтолкнула я нетерпеливо.

– На сегодня нет, госпожа Мистраль.

Я нервно отряхнулась и вновь зашагала по комнате. Уже третий день как не было заказов, а это огромный убыток для нас, ведь за время праздника должно разойтись все, что мы произвели. От этих денег зависела вся зима, а потому и наши жизни. Мне необходимы были средства на покупку самого необходимого – дров на отопление хотя бы двух помещений в доме и пищи на четыре предстоящих холодных месяца – это то, ради чего я спала по три часа за ночь. Не говоря уже о лечебных зельях и вызове врача в случае болезни. А болезнь эта точно произойдет, хотя бы потому что нет денег ей противостоять!

Наклонилась, поднять бурый моток шерсти и замерла, напрочь забыв о Фибе, вспоминая кашель отца и холодный отказ недомага его осмотреть.

– Вы лучше не переживайте так, займите руки, – предложил Фиб и поник, с тоской рассматривая сверток в руках.

– Все готовы, Фиб. Я так торопилась... Ну, что у тебя?

Он нехотя протянул мне сверток.

– Вот что... – заговорил, пока я разворачивала бумагу. – Пришли шелка из Пертровеллира.

Я удивленно перевела взгляд с расплывающихся строк на доброго, немолодого Фиба.

– Ваша матушка заказала три рулона тканей, – пояснил он, кивнув на сверток, – меня просили немедленно доставить это вам.

– Шелка? – сглотнула я и перечитала. – Но мы ведь шьем только на простой люд. Кто решится заказать у нас нечто большее, чем носовые платки да покрывала?

– Насколько я понял, эта ткань не для продажи, госпожа.

– А для чего же?

Мне вдруг стало совсем плохо, и я оперлась о краешек стола. Мы еле сводили концы с концами, и на тебе сюрприз! Вот и новые непроглядные долги.

Что делать?! Возвращать заказ неразумно – одна дорога до Пертровеллира и отступные по договору будут стоить мне два золотых, тогда как плата за рулоны – три. Продать? Кому? Да и сшить из них ничего толкового не выйдет – мы не модистки. Все, что носили когда-то, давно вышло из моды, а о новой я и не слышала. Да и кто закажет шелка у неизвестной белошвейки или у бывшего управляющего? Три фросталя! Тридцать три серебряных! Двести тридцать одна медная! Да я за семь медяков тут весь день надрываюсь. При всем моем уважении к старшим, а этого уважения с каждым днем становилось все меньше и меньше, это же выручка за весь сезон! Притом у нас нет накоплений на зиму, ведь я купила коз. Мы пропали. А погубила нас, кто бы мог подумать, моя родная мать! И все ради чего? Пары новых ненужных платьев, которых мы даже не сумеем сшить как положено, ведь мы не умеем!

Нужно что-нибудь придумать немедленно! Искать изъяны? Я фыркнула в голос. В Пертровеллирских шелках — это неуместная шутка. Просить отсрочки? Да, это все, что остается. Умолять об отсрочке и вернуть шелка. Я встала так резко, что закружилась голова.

– Вы не беспокойтесь, – словно прочитав мои мысли, Фиб вскинул руки. – Оплата придется на следующий сезон, ваша матушка обо всем побеспокоилась.

– Побеспокоилась, говоришь? И где я, по ее мнению, должна раздобыть три золотых до следующего сезона? Кто вообще за нее поручился? Такие деньги, да еще и должникам... Кто-то обязательно должен был гарантировать оплату.

– Этого я не знаю. Мне было велено лишь передать вам договор.

– Где остановились поставщики?

Фиб ненадолго задумался.

– Обычно духовники отдыхают в «Крике неясности». Они не слишком любят, когда много народа.

«Крик несыти» – отдаленная проезжая таверна без гостевых комнат. Следовательно, останутся они ненадолго. Когда вот-вот начнутся праздники, никто не любит быть вдали от дома.

Вот что означает фраза «Казалось, мы на дне, но снизу постучали». Матушка решила сбыть меня с рук в грядущем сезоне, прекрасно понимая, что другого выбора не оставляет. Либо я выйду замуж и избавлю нас от долгов, либо сгину вместе с ней в долговой тюрьме. Или хуже того – за измену брата можно и в Гран Фалл загреметь. Неужели она не понимает, что никому я не нужна без приданого и влиятельного отца за спиной? Что все эти тряпки и рюшечки – лишь маска, не волнующая на самом деле никого в здравом уме.

Я выбежала на улицу. Если духовники решили выдвигаться сразу, нам очень туго придется. Нужно будет очень постараться в ближайшее время отыскать подходящую партию. Человека, готового взять меня в жены с долгом в сто двадцать золотых и братом, бросившим вызов королевской палате. Я никогда не отмою наше имя, и оно сгинет с бежавшим Дамианом.

Слезы застилали глаза, и я остановилась, чтобы вытереть лицо и успокоиться. Поставщикам не нужно знать, в каком бедственном положении мы находимся, ведь они могут не просто отказаться от возврата, но и потребовать деньги немедленно.

Ветер утробно взвыл, вторя моему настроению, едва не сбивая с ног. Я отбежала к стене ближайшего строения и схватилась за перила.

Мама права. Все правы. Никакая такая швейная мастерская размером с половину моего гардероба не способна принести столько денег. Я наивная дурочка, решившая взять на себя непосильную ношу.

Неподалеку от торгового кольца, посреди которого возвышалась внушительная статуя свихнувшейся королевы, остановилась небольшая, но украшенная замысловатой резьбой карета. Из нее вышел знакомый мужчина в длинном сизом плаще и подал руку своей спутнице. Порыв ветра взметнул синее платье с золотистым широким поясом, и я невольно залюбовалась. Девушка весьма приглядной внешности оценивающе окинула торговую улицу и вздохнула разочарованно. За ней вышла ее компаньонка, дама в возрасте со строго уложенными седыми волосами, и кисло скривилась.

Как только карета отъехала, девушка обернулась.

– Я зря напросилась с тобой, Ник, – услышала я ее тонкий голосок.

– Такой ветер, одна пыль да грязь, – подтвердила дама, многозначительно кивая.

– Но понимаешь, мне нечем заняться. А тут, может... О, посмотрите! Вот, видите? Вот там продают белые башмачки с мелким бисером, какие я... Ой, это совсем не бисер... – огорчилась она, но тут же резво обернулась на каблучках, взметнув юбками. – Посмотрите, какой смешной там домик! Неужели? «Чайная библиотека», Ник! Мне о таких нянька рассказывала. В Бланшире их давно позакрывали. Мне рассказывали, что в таких пограничных городках можно наткнуться на хрусталь Кальдера. Это правда, Ник? Я очень хочу найти что-нибудь необычное, маменька будет в исключительном восторге от чего-нибудь такого. Ты ведь знаешь, как она уговаривала меня не ехать.

Николя Ди Фебалт, мой бывший пылкий поклонник, учтиво склонился и что-то шепнул своей спутнице на ухо. Девушка притихла и зарумянилась, получив пузатый кошель в маленькие беленькие ручки. Она взяла под руку сопровождающую даму и с самодовольным видом прошествовала на другую сторону улицы, послав кавалеру воздушный поцелуй.

– Не задерживайся, пожалуйста, мы здесь долго не пробудем! – крикнула она.

В сердце вгрызлась непонятная ревность. Еще вчера совершенно неинтересный мне человек, мечтавший о свидании со мной, как магистр о четвертой звезде Аркавель, вдруг стал для меня недостижим. «Наверное, судьба меня за что-то корит», – подумала я и быстрым шагом свернула на безлюдную улочку, ведущую в сторону старого рынка. Не хотелось попасться на глаза кузену Мэган заплаканной и совершенно несчастной.

Челюсть свела неконтролируемая зависть, когда я вспоминала прекрасное зимнее платье девушки и золотые крупные серьги в ее ушах. «Зависть гораздо лучше отчаянья», – ободряла себя я. По крайней мере я не плачу в уголке от безысходности, а все еще пытаюсь что-то изменить.

Хорошо, что Николая нашел себе даму сердца, и совсем не важно, почему это случилось, мне ни капельки нет дела.

Обида защипала глаза. Нет, это не обида, это банальная злость и едкий ветер. Это они перехватили дыхание и встали горьким комом в горле. Лучше подумаю о чем-нибудь другом. О том, что я напрасно ищу духовников, ведь знаю, что брак с богатым престарелым извращенцем – мой единственный выход. Что я ни на что не годна, и что даже если и найду их, все равно просить ни о чем не стану.

Ветер поистине рассвирепел, мотая меня из стороны в сторону. При всем желании поставщиков отправиться домой сегодня это у них не получится: пасмурное небо темнело с каждой секундой, скоро рванет игольчатым дождем.

Но все это уже не важно, потому что я шла бесцельно и медленно. Такой холодный ветер и не таких в чувство приводил, а мне это теперь порядком необходимо. Я вконец запуталась и не знаю, как жить дальше, как сшить себе платье, как найти достойного мужчину в мужья, как вернуться после всего в общество с высоко поднятой головой.

Я остановилась, глотая слезы и переваривая очередной провал, пока меня не настиг леденящий порыв ветра. Меня швырнуло к лошадиным стойлам. Схватившись что есть силы за доску, я получила с десяток заноз и полетела назад. Мой полет был эпическим. Я выкрикивала заклинания заморозки, болтая ногами и руками, словно тряпичная кукла, как вдруг ударилась спиной о гранитное возвышение позади. На глазах выступили слезы, а с губ сорвался болезненный хрип. Только тогда, когда возвышение вдруг обхватило меня, я поняла, что это некто живой. Меня поволокли куда-то, не обращая внимания на возмущения и крики. Лишь за углом одного из домов меня наконец отпустили, как раз, когда в бой пошли уже кулаки и зубы.

Воронка

– Никогда не встречал леди, которая бы выражалась столь вульгарно, кусалась и вдобавок брыкалась, как ошалевшая лошадь.

Меня словно ледяной водой окатили.

– Как кто?!

Первоначальный испуг мгновенно сменило вполне ожидаемое возмущение.

– Какое дурное сравнение! – огрызнулась я. – Но и вы в таком случае не прекрасный рыцарь, раз хватаете посторонних людей на улице и тащите их за угол. А если вы грабитель, то слепой, как крот! – я резко обернулась и с вызовом взглянула ему в глаза.

Человек высокий и крепкий, как скала, с волосами цвета темного пива, а глазами чистыми как треснувший лед над бездонным озером, озадаченно приподнял брови, но ненадолго. Внезапно зажмурившись, как от резкой боли, потер шею и забегал быстрым взглядом по пустой улице. Я увидела, как летит по дороге короб с рынка, крутится по пыльной, старой дороге бьется, разбивается в щепки о столб неподалеку и нервно вздрогнула при мысли о том, что на его месте могла быть я. Все-таки нужно было его поблагодарить, а не нападать, но настроенье было прескверное.

– Надеюсь, я вам ничего не разбила, – буркнула я, поправляя съехавший плащ. Незнакомец вновь обратил на меня внимание.

– У вас такое выражение, будто вы врете, – усмехнулся он полуулыбкой.

Утихшее было возмущение сменилось злостью.

– А у меня всегда такое выражение, если меня вдруг хватают и куда-то тащат, не отзываясь на просьбы оставить в покое.

– То есть это с вами уже случилось? – поинтересовался он надменно. – И не раз?

Настроение скатилось в бездну. Я была поражена до глубины души, даже не задета, нет, именно поражена тем, что смогла встретить такого редкостного хама, дожившего до сего дня и никем не прибитого.

– Что вы себе позволяете? – смешалась я.

Похоже, я ему не понравилась, потому что незнакомец вдруг показался заскучавшим.

– А знаете, летите дальше. Дело ваше, – и он с легкостью приподнял меня за подмышки и выставил из убежища. Ветер мгновенно рванул меня вверх, и только благодаря двум грубым ручищам я не расцеловалась с соснами, пританцовывающими на краю улицы.

– Немедленно поставьте меня на место! – закричала я.

– Вы же просили свободы, – напомнил он.

– Я сама себе обеспечу свободу, только уберите руки!

– Боюсь, если я это сделаю, свобода для вас будет слишком скоротечна, – предупредил он. – Ровно до тех деревьев или до вон того столба.

– Поставьте меня на место! Поставьте немедленно или я прокляну вас так, что вас мать родная не узнает!

– Хорошо, – согласился он и прищурился. – Но тогда вы попридержите свой ядовитый язык за зубами.

Я разъяренно оскалилась, но кивнула. Разговаривать с ним особого желания не возникло. Он затащил меня за угол дома и прижал рукой к стене, опасаясь, что ветер достанет меня и отсюда.

Начиналась настоящая буря, в воздух взлетали листья, поднимались столбы пыли, но он все осматривался в поисках кого-то или чего-то. Я не мешала. Такой нехарактерный ветер, очевидно, был вызван магическими проделками – должно быть, дуэлью или баловством студизусов.

Старый рынок был замечательным выбором для подобных шалостей. Полузаброшен, нищ, здесь всего-то пара жилых домов и осталась. Большинство лавок пусты, другие еле сводили концы с концами.

Когда я оглядела нового знакомого, и без того неприятный день, полный неожиданных сюрпризов, стал попросту невыносим. По черной одежде и темно-синей подкладке плаща я поняла, что он из столицы. Его военная выправка и манера себя вести бросались в глаза. Более того, серебряная брошь с эмблемой королевского двора, скреплявшая полы накидки, красноречиво свидетельствовала о далеко не последнем месте при дворе.

Вот и королевская стража по мою душу. Теперь и думать нечего о плохом исходе, он передо мной.

– Пойдемте, – внезапно сказал он и втолкнул меня в дверной проем в стене за спиной.

– Да успокойтесь! Хватит размахивать руками! – возмутилась я. – Сама пойду, – и я шагнула в полумрак заброшенного жилища.

Незнакомец даже не посмотрел в мою сторону. Пройдя мимо, он заблокировал дверь попавшимся под руку поломанным табуретом и подошел к разбитому оконцу продолжать наблюдение. Обрывки занавески зловеще трепыхались сизыми крыльями, ветер пронзительно выл, порывисто пробегая по углам и тревожа паутину. Поежившись, я огляделась.

Мы находились в давно заброшенной гостинице. Обычно я обходила это место стороной и вот вдруг оказалась здесь в пасмурном полумраке, да еще и с неизвестным человеком. Поговаривали, что здесь с недавних пор поселилось привидение. Наверное, тут кого-то убили, и этот кто-то стучит по трубам, прося освобождения. Я напугано замерла и прислушалась. Стука слышно не было, но от этого легче не стало.

Вероятно, здесь мне устроят допрос. Как же хорошо, что я сожгла послания брата, кроме одного, что закопала под окном, но до него не так легко добраться... А если станет пытаться? А если и вовсе приберет? А все из-за чего?! Из-за Дамиана, непонятно что натворившего в Палате.

С трудом я отказалась от страшных домыслов и печально прошла по залу.

Пыльные полки покосились, некоторые провисли и покачивались. Барная стойка захламлена пустыми бутылками и мусором, под ногами стекло, битая штукатурка, обломки стульев и столов. Из левого окна пробился плющ, пополз по стенам и раскинулся по полу полуживым, подвядшим ковром, до самой лестницы, которая сгнила и зияла провалами.

Незнакомец замер у окна, так и не обернувшись и сосредоточенно осматривал улицу, очевидно ожидая кого-то еще. За окном подхватывало и носило обрывки кровли, доски, тряпки, неведомо куда катилось, подскакивая на камнях, колесо. Неужели Палата вздумала пытаться человека в таком неприглядном месте?

Нет. Это просто несправедливо. Мы, Мистрала, достойны настоящей пыточной Киарана, ну или Гран-Фалла, на худой конец. Я нервно хихикнула. Да, новая строящаяся тюрьма казалась мне привлекательнее заброшенной гостиницы.

Ждать стало невыносимо, потому я, едва совладав с собой, подошла к «спасителю» и оглядела его. Темные брови сошлись к переносице, в глазах застыла тревога. Внезапно мимо окна пролетел огромный кусок забора, вырванный ветром прямо с землей. Это зрелище так заворожило меня, что я не сразу заметила, как его внимание переключилось на меня.

– Вы не могли бы себя занять? – он указал мне на подножие лестницы.

– За нами следят?

– Посидите в сторонке, мы же договорились.

– Мы договорились, что я буду молчать, – напомнила я, насупившись. – Но там я сидеть не буду. Что мне там делать?

– Повышивай что-нибудь! – раздраженно бросил он и, отвернувшись от окна, оглядел меня, поднял руку и кинул заклинание созидания: мгновенно из ободка бочонка, куска скатерти и прочих останков этого брэнного места образовались небольшие, круглые пяльцы с уже

натянутой на них льняной тканью и даже нитка вдетая в найденую тут же иглу, которая полетела мне прямо в руки.

«Нет, он определенно не дознаватель королевского двора», – поняла я. И мне бы радоваться, но я настолько оторопела, что осталась стоять с открытым ртом, наблюдая за тем, как он со спокойной уверенностью возвратился к своему занятию.

Вой ветра стих, и наступила такая оглушающая леденящая душу тишина, когда звенит в ушах и страшно шелохнуться от плохого предчувствия. Но мне было далеко не до этого. Меня неустанно задевал совершенно посторонний человек. Было обидно и гадко.

После всего что я пережила, всего чему научилась. Сама! Без чьей-либо помощи, своим умом и тяжким трудом! Каждой каплей пота, каждой слезой от боли потери и предательства я оплатила с горкой свои кривые шажки в самостоятельную жизнь. И после всего этого, все еще встречаются люди односторонние, которые не прочь столь красноречиво указать мне мое место. Это уже перебор! Он не просто хам, он настоящий негодяй!

– Напомните мне, пожалуйста, тот момент, когда я разрешила вам обращаться ко мне на «ты»? – ядовито прошипела я. В ответ на мой выпад он резко оттолкнулся от окна и вырос надо мной ледяной взбешенной скалой, которую вот-вот сотрясет камнепад. Захотелось даже отступить, но пальцы в моих руках только подогрели мое негодование. Ну и пусть от одного его взгляда кровь стынет в жилах. Умирать – так в бою! Пусть даже в бессмысленном. Уж в каком умею.

– Не доводи меня. Посиди. Там. И помолчи, – сквозь зубы процедил он.

Естественно, от такого запала я осталась на месте. Расправила плечи, выпрямилась, хотя доходила ему едва ли до плеча, бросив свирепейший из взглядов, на который хватило духу. Не впечатлившись, он схватил меня за локоть и бесцеремонно повел к лестнице, не взирая на мои возмущенные вопли, насильно усадил на уцелевшую ступеньку, подобрал выпавшую раму и всучил ее мне.

– Не мешай мне! – рявкнул он. – Иначе я приморожу твои ступни к полу.

– Не указывай мне! – отозвалась я. – Или я нашинкую тебя ледяными кинжалами!

Пожалуй, наш обмен любезностями мог окончиться плачевно, и я даже догадывалась, для кого именно, но в этот момент в окно влетело ведро, ударилось об облупленную стену и покатилося ко мне.

– Это могло разбить тебе голову, – констатировал он.

– А могло и вам! – гаркнула я, не скрывая разочарования. И только после этого до меня дошло: я только что прямо в лицо пожелала увечий представителю королевского двора, а в том, что он им являлся, не было и сомнений. Со мной что-то не так и похоже давно. Мне вдруг стало от чего-то так смешно, что я расхохоталась в голос. Мой истеричный, неконтролируемый, совершенно не подобающий юной леди смех мог бы побить в доме стекла. Но на мужчину моя истерика по непонятной причине не произвела ни малейшего впечатления. Отстраненно и холодно он наблюдал за моей вспышкой безумия, не прерывая ее, а когда мне стало совсем неловко и улыбка моя постепенно угасла, он снова подошел к окну.

Лестница вела на верхний и нижний этажи. Вниз тянулась жуткая черная пропасть, и оттуда слышался отчетливый стук. Жалкий, беспомощный и пробирающий до костей. Я поднялась и упрямо подошла к окну, зная, что поступаю несколько по-дурацки, но за последнее время я сильно отвыкла от опеки и повиновения мужской прихоти, да и к ужасам этого места не привыкла. Пусть человеком мой новый знакомый был особенно неприятным, но рядом с ним было спокойней.

Видимо, утомившись, он не стал пытаться вновь от меня избавиться.

– Ветер менял направление, – заметил он вслух.

– Это, должно быть, дуэль, – поделилась я своим опытом. – В такой ветер и в праздники дело обыкновенное. Хотя... Не похоже на дуэль, – заметила я вполголоса.

– Почему вы так считаете? – он наградил меня пристальным изучающим взглядом.

– Ветер наведенный, да, но наведенный на маяк, не ударный, – поделилась я своими великими предположениями, горделиво выпятив подбородок. Он вздохнул и отвернулся, продолжив напряженно разглядывать улицу. – Ударные так же поначалу гоняют воздух, но не набирают силы, ударяют резкими порывами а этот похож на поисковую воронку.

– И на кого, по-вашему, наведен этот ветер? – спросил он без особой охоты, тоном, каким говорят с малым ребенком.

– Судя по полету ведра, на меня, – кисло отметила я. На его лице скользнуло некоторое подобие ухмылки.

Некоторое время мы молча наблюдали, как ветер понес весь собранный с одной стороны улицы мусор на противоположенную. Мимо пролетел все тот же кусок забора и опять покатилося колесо. Пыль с песком безжалостно рвалась в наше убежище, но я так и не отошла от окна, раздраженно растирая глаза.

Как только ветер стих, в воздухе проявились красные точки. В считанные секунды они преобразились в колючие кружащиеся огненные шары, разлетающиеся во все стороны. Я едва успела удивиться. У незнакомца же реакция была быстрее: он распахнул плащ и немедленно укрыл им нас обоих.

– А это что за...? – взревел он.

– Ветер, должно быть, попал за черту. Это предупреждение, – объяснила я, – ничего особенного.

Он нахмурился, произнес заклинание, заключившее нас под крепкий защитный полог, и выпустил меня из объятий.

– Как часто темные вас таким образом наказывают?

– По праздникам, – улыбнулась я, – когда здесь появляются люди не просвещенные, вроде вас и неугомонных студентов. Эти шарики безвредные, если в ближайшие пару минут не находиться на улице. Они жалят только живую плоть и не вредят ничему другому. Скоро темные вычислят обидчика и подадут прошение о его прилюдном наказании.

– Как благородно с их стороны, – он вынул из мешочка на боку флакон и вылил на пол пару капель прозрачной жидкости. – Мой брат проводит вас. Вам не стоит бродить одной в такую непогоду.

– Я сама в состоянии о себе позаботиться, – я подняла руку в попытке сопротивления. – Мне в любом случае необходимо пройтись и побыть в одиночестве.

– Это не вам решать, – почему-то заявил он и повозив мизинцем по каплям, образовывая неизвестный мне знак, накрыл его ладонью. Его уникальное мастерство выводить меня из себя действительно поражало. Какой же все-таки одаренный человек!

– Не вам ли?! – возмутилась я.

– Мне, – кивнул он равнодушно. Я начинала закипать. Да какое право он имеет мной распоряжаться?

Тем временем руна на полу замерцала голубоватым сиянием и вскоре исчезла, а в моей груди заклокотала едва сдерживаемая злоба. Мне показалось, что я теряю контроль над собой: еще немного – не сдержусь и полезу в драку. Да кто он такой? Сдалась мне эта навязчивая опека! Я дернулась, чтобы обойти его, как вдруг поняла, что мои ступни словно приклеены к месту. Все-таки приморозил! Недолго думая, я, пыхтя и фыркая, нагнулась развязать обувь. Уйду босой! Но уйду!

– Вы беглянка? – опустил он внимательный взгляд.

– Нет! – рявкнула я. – Немедленно расклейте все как было!

– И что на этот раз вы припасли?

– О чем вы?

– С начала нашей встречи вы не упускали случая бросить в меня недееспособной угрозой расправы. Судя по вашим мизерным магическим проблескам, вы обучались на дому и исключительно теории. Вот и спрашиваю, чего на этот раз вы мне пожелаете?

– Ненавижу вас!

– Я спас вам жизнь, – напомнил он спокойно.

– О! наступит день, и вы об этом очень глубоко пожалеете, уверяю вас!

Энтони

Когда огненные шары развеялись на безлюдной разгромленной улице старого базара, послышался цокот копыт. На внушительном пегом шайре восседал молодой человек со вьющимися волосами до плеч и шальной улыбкой. Рядом, мотая головой, подпрыгивала серая молодая кобылка. Всадник остановился перед нами и спрыгнул на землю, подняв облако пыли.

– Всегда к твоим услугам, лорд Финиель, – склонился он в шутовском поклоне. – Всегда и в любое время, братец.

Я удивленно посмотрела на своего нового знакомого, припоминая, где я уже слышала это имя.

– Я просил тебя об экипаже, – в голосе моего «спасителя» звенели стальные нотки. Брата его тон ожидаемо не обрадовал — шутовская улыбка померкла, а взгляд охладел. Не дождав-шись, когда строгий собеседник меня наконец представит, он пожал плечами и заговорил:

– Альда и Эллейн отправились за покупками, вторую карету ты так опрометчиво выдал А Ла Фогу, третью отослали за остальными вещами. Еще была повозка, но она отбыла с хламом из замка. Я мог бы привезти садовую телегу и запрять ее зайцами...

– Хватит! – резко оборвал его лорд Финиель. – Почему лошадей всего две?

– Ты ведь знаешь, в каком виде Эллейн привыкла появляться на людях, – развел руками его брат, – меньше чем на четверку она не согласна, а это ее первое появление в городе.

Мой «спаситель» закатил глаза. Младший брат широко улыбался белоснежной улыбкой, не спуская с меня голубых глаз. Пожалуй, он был моим ровесником или немногим старше.

– Доставь эту маленькую особу домой, – бросил старший через плечо, поднимаясь в седло. – Мне необходимо как можно скорее добраться до казарм.

– Вы хотите, чтобы я села на лошадь с незнакомым мужчиной? – опешила я. – Вы совсем ума лишились?

– В таком случае не езжайте верхом, – съязвил он. – Вам ведь было необходимо пройтись. Или я ослышался?

Я схватилась за поводья, не давая ему сдвинуться с места.

– И все же слух вас подвел, – прошипела я в ответ, – ведь я сказала: в одиночестве!

– Я не любитель споров, – он выхватил у меня ремни. – Подберите рукоделие и ступайте с господином. В случае чего он вас защитит. Ну или хотя бы придержит на земле. Энтони, проследи за девочкой, мне пора.

– Вы совершенно невыносимы, лорд Финиель! – вскрикнула я. – И я была нисколько не рада повстречать вас!

Лорд, не обратив на эти слова никакого внимания, развернул своего коня и умчался в сторону границы. Не сумев подавить в себе желание кинуть проклятые пяльцы ему вслед, я развернулась к младшему Финиелю. Тот ошарашенно глазел на меня, не проронив ни слова.

– Ну что ж, нам с вами, господин Финиель, повезло в одном: нам в одну сторону. Мне недавно посчастливилось узнать, что вы остановились на Пашне Драхвы.

– Так и есть, – все еще удивленно косясь на меня, проронил Энтони, и, заметив, что я не стремлюсь к продолжению знакомства, повел лошадь рядом.

В нашем молчании я нашла возможность для неторопливых размышлений. Само собой вспомнилось мое незавидное новое положение, которое уже успело забыться ввиду последних приключений.

Как бы я ни хотела отстраниться, но следовало признать: передо мной лежала нелегкая задача изготовления бальных нарядов. Думаю, не повстречайся мне сыновья Финиеля, я бы пришла не к правильному решению, а к наиболее надежному. Рисковать я никогда не любила, но без этих моих крайних шагов мы бы остались на улице, или даже умерли с голода.

Да, теперь я это отчетливо понимала. В отчаянных ситуациях нужны отчаянные меры. И если сильно постараться, мы с мамой успеем сделать наброски и придумать наиболее удачные варианты нарядов – несложные, но изящные и желательны модные. В конце концов пару простых платьев мама уже сшила для продажи, а значит, опыт, пусть даже самый незначительный, у нее есть. Дальше предстоит еще более невообразимая задача – предстать в выгодном свете перед сворой алчущих сплетен бывших друзей и знакомых. Но ничего не поделаешь. Либо я сделаю это, либо потоплю нас в нищете и унижении.

– Знаете, —вырвал меня Энтони из раздумий, – сегодня я впервые слышал, чтобы кто-то осмелился повысить голос на Томаса.

Я окинула его хмурым взглядом. Первый решил меня опекать против воли, а второй, что же, воспитывать?

– За то короткое время, – заговорила я, не поворачивая головы, – которое я была вынуждена провести в компании вашего брата, я поняла одно: хам – его второе имя. Первое он мне так и не назвал, впрочем, не важно. Я бы немедленно позабыла его в любом случае.

Энтони негромко рассмеялся, и я озадачено обернулась.

– Его зовут Томас Финиель, граф Савсонский.

– Ах, он граф! С манерами плотника! Как оригинально.

Он вновь зашелся смехом, таким приятным и теплым, как ручей, согретый в объятиях знойного лета. Голубые глаза заискрились, преображая серый промозглый день во вполне сносный.

– Вероятно, это оттого, что свой титул он получил относительно недавно, – подмигнул Энтони. – Вижу, Томас не сумел добиться у вас расположения, но надеюсь, вы не станете отыгрываться на мне.

– Сомневаюсь, что эта участь обойдет вас стороной, – призналась я уже беззлобно.

– Вам со мной так плохо?

– Ничуть, но... Ваш брат не на шутку меня разозлил, – я изобразила подобие улыбки. –

В этом нет вашей вины.

Мы замолкли. Под ногами шуршали листья, живой ветер играл с высокой жухлой травой и кустами. Так мы и шли дальше, задумавшись каждый о своем.

Я пыталась отыскать сходство Энтони с братом, но так и не нашла. Этот молодой человек обладал кукольной красотой, притягательной теплотой во взгляде и голосе и неприкрытым, бросающимся в глаза очарованием, от которого чувствуешь себя слегка смущенной и отчего-то немного подавленной. О внешности Томаса я не составила никакого мнения – ее целиком и полностью затмил грубый, бесчувственный, неотесанный нрав. Теперь, поостыв, я припомнила резкое небритое лицо с холодным взглядом синих глаз. Да, братья действительно разительно отличались как характером, так и наружностью.

Мы с Энтони вот уже четверть часа шли вдоль кованой ограды моего поместья. Подобрав тонкую хворостинку, я перебирала ею причудливые изгибы металлических прутьев, безмятежно наблюдая за тем как ржавеют на осеннем уплывающем солнце кущи рябины, одаренные пламенным окрасом.

Сопровождаемые этим мерным постукиванием вперемежку с размеренным шагом лошади и щебетом воробьев, мысли незаметно улеглись. И когда я остановилась легкая, невольная улыбка коснулась моих губ.

– Вот и все. Вы можете продолжить остаток пути верхом. Напрямик по этой дороге минут через десять вы будете дома.

– Вы работаете у Мистралей? – с сомнением уточнил он, оглядываясь. Перед нами разветвлялась дорога. Влево вела заросшая брусчатка, она упиралась в высокие железные резные ворота, а за ними прорисовывались очертания двухэтажного поместья. Так издали и не скажешь, что дом этот заброшен. Стены все так же белы, стекла целы и зарослей не видать. Пока...

– Отрицать это было бы ложью, – уклончиво ответила я. – Доброго вечера, господин Финиель.

– Странно, мне казалось, прислуги у семьи не осталось.

Похоже, мой новый знакомый не спешил прощаться.

– Как вы поняли, что я служанка? – приправила я безразличие в голосе наигранным укором на лице.

– Вас выдает многое, – просветил он, мягко улыбаясь, – руки, волосы, всего не прикрыть одной барской тряпицей. К тому же ею довольно сложно скрыть обувь и край платья.

Я окинула себя придирчивым взглядом. Ногти коротко острижены, на пальцах мозоли, кожа огрубела, подол платья больше походил на бахрому, обувь стерлась.

– Вы правы, всего не прикрыть, – кивнула равнодушно. – Но почему вы подумали, что в этом доме не осталось прислуги?

– Мы скупили все их имущество в конце прошлой осени, включая земли и семейное дело, – признался он, разводя руками. – Оказалось, даже это не спасло Мистралей от разорения. Вся их прислуга просила принять их в замок из-за безработицы.

На мгновение мне показалось, что мир вокруг пошел черными пятнами. Солнце скрылось за тучи, смыв оранжевый окрас и оставив меня в сером мареве неприятного ощущения. Какое же все-таки невероятное совпадение, что в тот момент, когда мой дом крошился, будто обветренная булка, эта семья прибрала к рукам все, что мы имели, не постеснявшись забрать и слуг!

– Всего доброго, господин Финиель.

– Скажите, как поживает ваша госпожа? – начал было младший из стервятников, но я уже решительно шагала прочь.

Побег

Я прикрыла за собой дверь и сползла по ней на пол. Нужно было отдохнуть. В голове стучало от тяжелых, перебивающих друг друга мыслей.

Вот почему мне так повезло с продажей. Стоило составить оценку нашего имущества, как оно было немедленно приобретено.

О личности покупателей я в то время не заботилась, мне было некогда и, если честно, плевать. Главное, нам удалось покрыть некоторую часть долга. Но теперь это казалось мне странным. Хотя, если рассуждать здраво, наши сельскохозяйственные угодья вплотную прилегают к ограде заброшенного замка, и если Томас Финиель желал расширить свои владения, то эта покупка была весьма логичной.

Окончательно запутанная и уставшая, я вознамерилась обсудить все это с матерью.

Вокруг было тихо и темно. Странно. Мама редко выходила.

Не хотелось заводить разговор о заказе: что случилось, того не миновать, нужно действовать с этой точки. Но действовать в одиночестве я не смогу, а начать нужно как можно скорей, ведь первый бал сезона семья А Ла Фог открывает уже через пару дней.

Отцовская библиотека, в которой за последний год обосновывалась наша поредевшая семья, примыкала к кухне. Здесь, прошлой зимой мы ночевали, работали и жили. В ней было тепло, к тому же у нас не было средств для того, чтобы разводить огонь во всех комнатах. Но даже в теплые дни я не поднималась в кабинет на втором этаже.

Библиотека была моим любимым местом с раннего детства. Даже сейчас в ней, опустевшей и разоренной, с оголенными стенами и белеющими прямоугольниками над столом и каминном, все еще было так необыкновенно уютно, как нигде в этом мире. В воздухе витал выветренный, но не забытый аромат трубки отца и до сих пор сквозь звук своих гулких шагов и хруст песка под ногами я слышу его голос.

Все дело в особенном, теплом запахе книг и дерева, в этом до боли любимом пятне света, разливающимся по полу в минуты заката, в его форме, в его неизменности. Все дело в этой необыкновенной тишине, жившей здесь, спокойной и родной. Все дело в воспоминаниях, и как бы я ни гнала их, это они привязали меня к узкому лакированному письменному столу, загроможденному теперь бумагами и заставленному берестяными коробами с беспорядочными стопками документов, к мягким большим креслам у двустворчатых окон. Это они были причиной моей упрямой стойкости. На одной из спинок кресел лежал бережно свернутый материнский палантин, на подлокотнике подушечка с приколотым к ней многочисленными булавками кружевом и свисающими коклюшками. Я провела пальцем по тончайшей паутине витиеватого узора и постояв еще немного посреди пыльной комнаты, опомнилась и побрела дальше.

Ни в гостином зале, ни в обеденном я ее не нашла. На улице начался сильный дождь, рассыпался стучком по крыше и подоконникам. Загудел ветер в трубах. Я с уверенностью повернула назад, пересекла пустующий бальный зал и направилась к главной лестнице.

Записку я нашла в своих покоях, когда обошла все комнаты верхнего этажа и уже всерьез забеспокоилась. Желтая бумажка, на которой манерным каллиграфическим почерком матери было нацарапано всего несколько строк.

«Прости меня. Мне было необходимо уехать, побыть одной и понять, как жить дальше. Ты юна и смела, у тебя еще так много впереди. Не упusti свой шанс, моя девочка. Используй его во имя семьи и долга.

P.S. Не беспокойся обо мне, – я знаю, где найти свое счастье. Береги себя».

Грудь сковала такая боль, что я не успела даже осознать произошедшее, я не успела ничего... Я провалилась во тьму.

Браслет

Утро разбудило меня дикой головной болью и холодом. За окном моросил дождь, и моя комната плавала в угрюмом полумраке и тишине. О произошедшем накануне нещадно напоминали записка, лежавшая рядом со мной на полу, и тягучая боль в сердце.

Я поднялась. Растянула окаменевшие мышцы и замерла.

Что же теперь? Я совсем одна?

И кому все это было нужно? Оказалось – никому.

Отправляться в мастерскую было выше моих сил, и я осталась дома. Коз я так и не забрала, а тащиться за ними к соседям в такую погоду не хотелось. Скоро мне придется отдать их насовсем. Если с замужеством не получится, меня упекут в долговую тюрьму, кому тогда нужны будут мои милые козочки...

Три рулона великолепного шелка, но явно не пертровеллирского, стояли в углу моей комнаты. Золотой, небесно-голубой и снежно-белый.

Это просто насмешка! Как я смогу их совместить, если голубой с золотым это цвета герцогов и приближенных к короне, а белый с золотым – королевские?

Не до конца понимая, что делаю, я достала лист и чиркнула по нему угольком. Пусть я не совсем отдавала себе отчет в своих действиях, но начинать надо с чего угодно, важно не останавливаться.

В мастерской были куски зеленой, серой и черной тканей, и если удастся совместить их с треклятым шелком, меня не выставят за дверь, что уже неплохо. Правда, как же я совмещу шелк с жуткой грубой мешковиной? Ума не приложу.

Я нарисовала треугольный шлейф и широкий пояс, пусть будет черным.

Записка снова приковала к себе взгляд. Что бы посоветовала мама?

Рядом что-то блеснуло. Я поднесла изделие к лицу: неброский плечевой браслет, из трех серебряных тонких цепочек и бирюзы, отделанной в виде листа с винного цвета прожилками. Он лежал на темной бархатной подушечке в тени полога, поэтому я и не заметила его вчера, ошеломленная маминой запиской. Прощальный подарок. Как на нее похоже. Теперь я не сомневалась в твердости ее решения, и от того стало еще горше.

Повертела в руках украшение – старое, недорогое. Возможно, это все, что у нее осталось. Возможно, она хранила его для особого случая. Похоже, этот случай настал.

Сглатывая слезы, я присела и вновь перечитала те скупые строки, на которые решила моя мать. Бросила. Меня ли? Или этот опустевший дом с его звенящей тишиной? Пресный вкус овсянки, глубокие тени под глазами, прибившийся запах навоза и птицы – шлейф угнетающей нищеты? Вот так взяла и расправила крылья, поняв, что больше искать тут нечего.

Как же это называется, когда родитель бросает своего ребенка? Есть ли у этого название? Не знаю, но очевидно другое – я уже не ребенок.

Вспомнились наши последние встречи, горькое выражение ее лица при моем появлении, ее погасший взгляд и молчание, обращенное к окну, за которым виднелись озера сухих листьев, пожухлые цветы и искромсанная проплешинами лужайка. Никогда еще наш прекрасный сад не выглядел таким запущенным. Помню, как в детстве мы с братом все дни напролет проводили в нем: завтракали в увитой виноградной лозой беседке, играли в прятки в брусничных кустах, плескались в крошечном пруду, охотясь на цветных карасей, а потом сохли на деревянном мостике. Как же быстро наш сад утратил свое очарование! Как же быстро нам пришлось повзрослеть.

О чем могла думать мама, когда смотрела на увядающее, будто ее молодость, лето? На стаи ласточек, отправляющихся далеко за эльфийские владения, тогда как она привязана к этому озябшему дому, холодному камину и пустому столу. Теперь и я, уныло наблюдая за

длинным косяком перелетных птиц, и думала о том, как же я могла проглядеть ее отчаянье, не заметить той глубокой боли, что толкнула ее на предательство?

Мне было больно, но слезы высохли, и меня охватила апатия. Но с утра я рыдала, не скрою. Когда, подобрав колени к лицу, лежала укутавшись в одеяло, и когда вышла в галерею, чтобы подышать и успокоиться. И позже, когда спустилась перекусить никем не тронутым вчерашним пирогом и даже когда в перерыве ливня поплелась к курятнику, чтобы покормить голодную птицу.

А к полудню, когда добрела до библиотеки, чтобы заняться чертежом поняла, что придется отныне смотреть на вещи иначе и поступать так, как не делала ранее. Но как же давит эта тишина! Не получается собраться.

– Эмили!

Этот тонкий голосок я бы узнала и под водой. Голос лета и смеха, напоминавший вкус пирожных и вишневого сока.

Спотыкаясь и чуть не падая, я побежала к двери. Мне необходимо было увидеть хоть кого-нибудь близкого, а Мэган с детства была для меня самой родной.

Я распахнула дверь, улыбаясь, как умалишенная. Вот мой спасательный круг!

– Ты почему не отвечаешь? – воскликнула она. – Я зову тебя минут двадцать! Боги! Что они с тобой сделали?

– Кто? – улыбнулась я.

– Я и сама не знаю, но на тебе лица нет.

Мэган отодвинула меня и вошла в дом. Намокшая до нитки и дрожащая. Собранные в пучок золотистые волосы растрепались, а по вискам истерзанными паклями свисали длинные кудри, сочившиеся осенним дождем прямо на пол.

– Тебя ограбили?

– Еще как! Унесли все, – усмехнулась я. – Хочешь чаю?

– Да, а еще хочу сменить платье. Я слишком долго тебя ждала, боюсь, теперь точно заболую. Как вернусь, придется немедленно звать лекаря, еще не хватало, чтобы отец запер меня в доме на все каникулы.

Она быстрыми мелкими шажками засемила на кухню, оставив меня выполнять просьбу. Перебрав несколько стопок белья я с огорчением заметила, что у меня не осталось ни одного свежего, либо соответствующего ее персоне платья, и стремительно отправилась в родительский гардероб. Там со мной произошло новое открытие: почти все мамины вещи были на месте, словно она собиралась второпях, не забрав с собой и половины. Мешочек с травами валялся на полу – лаванда когда-то защищавшая ткани от моли выдохлась, но мама заботливо хранила его как память о ее далекой поездке в Калград. Отложив рассуждение об этом на потом, я выбрала самое пригодное на мой взгляд одеяние и поспешила вниз.

Когда я вернулась с сухой, но поношенной до дыр одеждой, Мэган уже разлила по чашкам горячую воду и бросила в нее сухих ягод (и как только догадалась?). Настоящего чужеземного чая я не видела уже слишком давно, а ягоды и листья бережно хранила на верхних полках буфета.

– Там и мед есть, если хочешь... – предложила я, топчась в проеме.

Мэган невозмутимо взяла ветхое платье, сунула мне чашку отвара и, не стесняясь, начала переодеваться прямо на кухне.

– Ты не можешь так жить. Тебе необходимо рассказать обо всем Дамиану, он так это не оставит. Нет! Не перебивай. Не может быть такого. Поверь мне, я знаю его гораздо лучше тебя, он и не догадывается, что тут творится.

Конечно, она была уверена в благородстве любого поступка моего брата, все так же, как и раньше, храня ему одному слепую отчаянную верность, но переубедить ее вновь значило бы ранить нас обеих. Я надеялась, что краем сознания, пусть даже самым дальним, она понимала,

насколько он подл, и что нет в нем ничего из того, что она нарисовала себе в своем воспаленном разуме.

– Он этому причина, – молвила я негромко, но даже от этих слов ее передернуло. Она мне не верила. Мэган любила Дамиана, как пес любит хозяина, даже если хозяин заводит себе другого красивого породистого щенка, а его выставляет вон. В такие минуты мне было жаль ее. Говорить о брате совсем не хотелось. Я помогла ей избавиться от тяжелой мокрой одежды, облачиться в новое, затем молча завязала шнуровку на узкой спине подруги.

– Нашла крайнего! – вдруг вскинулась она, когда все было закончено. – Дамиан бы не дал такому произойти. Где Вивиан?

– Не знаю...

– Да ты хоть что-нибудь знаешь? Что вообще за бардак вокруг? Ты бы видела, какой вчера ветер поднялся. Дома крышу снесло, в прямом, между прочем, смысле слова. Открывать сезон мы теперь не будем, устроим прием на неделю позже.

Я не удержалась от облегченного вздоха.

– Ты что, Эмили, это же самая настоящая катастрофа! Хотя ты, похоже, по ним теперь эксперт, – пробормотала она, осмотрелась и, подняв со стола свою кружку, обхватила ее бело-снежными руками, вдыхая согревающий аромат лесных ягод. – Нам необходим этот бал, дорогая, как воздух, необходим. Нужно немедленно вернуть домой твоего брата.

– Послушай, я понимаю, ты пытаешься меня отвлечь этим своим балом, и я не против...

– Отвлечь? Ты что, головой ударилась?

– Не имеет значения, – вздохнула я, потеряв шишку на затылке, – дело не в этом...

– Ты пойдешь на этот растреклятый бал! – разозлилась она. – И не потому, что тебе необходимо отвлечься, а потому что нам нужен Риалион! Кстати, а в чем ты пойдешь?

– В этом-то и дело. Мне не помешает помощь.

Мэган долго рассматривала привезенные неизвестно откуда шелка и недоумевающе переводила взгляд с них на меня. В ее огромных небесного цвета глазах читалось замешательство.

– Ты, должно быть, шутишь... – молвила она еле слышно.

– Не обязательно шить вместе со мной, достаточно придумать эскизы и попросить совета у твоей модистки. Это было бы весьма кстати.

– А как же цвета? Если только белый с голубым, то все равно слишком рискованно. Был бы он не столь ярк, а, скажем, молочного оттенка, то было бы хоть как-то подобающе... Я не знаю, дорогая. Моя портниха уже побывала у нас и уехала работать, теперь она придет, когда будет готов заказ. Ты уже пробовала в городе узнать?

– Не думаю, что это хорошая идея. Мэг, пусть это останется между нами. Мне нужно подумать, как поступить...

– Тебе нужно шить то, что ты уже видела, только и всего. Шелк пертровеллирский, ты будешь сиять, как бриллиант на венце Валаприин.

– Шелк необычный, – не могла не согласиться я, – но не оттуда.

Мэган пожала плечами.

– Так или иначе, он превосходен. Откуда он у тебя?

– Подарок матери, – произнесла я сдавленно.

– Послушай, не отчаивайся. Мы найдем тебе толковую портниху, она тебе не то что платье сошьет, она... Не знаю даже, что. Жениха к нему пришьет. Вот!

Я рассмеялась. Как же хорошо, когда рядом находится настоящий друг, который не спрашивает о твоём недуге, не теребит незажившие раны, а непринужденно пытается помочь, ничем не выдавая себя.

Мы вернулись на кухню, каждая размышляла о своем. Мне постепенно становилось легче – появилась надежда, что все не так плохо, как кажется. У матери, возможно, все наконец наладится, и она обретет то счастье, на которое не было и намека в ее браке с отцом. У меня

тоже, если вдруг посчастливится встретить достаточно доброжелательного мужчину, который взвалит на себя мой непосильный груз долгов и унижений. Может быть, эти три злополучных рулона сумеют в одночасье изменить мою жизнь до неузнаваемости. Я понимала, что это пустые надежды, но стенания делу не помогут. Нужно, просто необходимо сиять и излучать счастье, раз я решилась на такой шаг.

– Я, между прочим, не с пустыми руками, – изрекла Мэган. – Про отмену открытия сезона я уже тебе рассказала, а вот другая новость... – она протянула мне конверт и торопливо взялась за остывающий напиток.

– Что это? – я развернула бумагу. – Семейство Финиель приглашает вас на открытие торжества в честь Дня ста свечей.

– Это пришло сегодня, – объяснила Мэган. – Начало всего через четыре дня, но отец уже отменил бал, в срочном порядке расослав объяснение вчера ночью, и с утра мы получили это.

– Ничего странного, – сказала я. – Они новые земельные лорды, только вступили в свои права, не могут же они оставить город без праздника...

– Не могут, – скривилась она, – конечно... Я столько времени потратила на это открытие! Вместо подготовки к экзаменам расписывала план и меню, заказала лучший оркестр, а они в одно мгновение все отбирают! Кстати, откуда ты узнала про земли? Это тебе Нилли рассказала?

Я отрицательно покачала головой.

– Она приходила ко мне этим утром, – надулась Мэган, – с официальным визитом – с отцом, матерью и даже дядей, дабы просить извинений за свое поведение.

– Ну вот, попросила прощения, чего тебе еще надо?

– Прямоты! Она пришла, потому что ее заставили родители. На оскорбление у нее духу хватило, а ко мне пришла с подкреплением. Да и ладно. Мне все равно не так уж и нравилось проводить с ней время.

– Ты превратишь ее в изгоя, – предупредила я, занервничав. – И все из-за чего?

– Из-за ее показательной неприязни, разумеется. Неизвестно, чем может обернуться такая прямота, если она учудит что-либо подобное публично, – сморщившись, она отставила кружку. – Добавь мне все-таки меду, моя дорогая, это невозможно пить.

– Не учудит, – пообещала я. – Ты влиятельна в женском кругу, Мэг. А после поступления и удачной сессии даже в мужском обществе будут уважать твое мнение. Не натвори глупостей, о которых будешь потом жалеть.

– Хорошо, я сделаю, как ты просишь, только и ты должна мне кое-что пообещать.

– Что именно? – я с подозрением прищурила глаза и замерла, доставая с полки липкую банку.

– Ты пойдешь со мной на открытие.

– Но у меня нет пригласительного!

– Ну и что, мне можно прийти с сопровождением, вот я и приду. Ты могла бы еще пойти с Николая, к слову, он на этом сильно настаивал, и в этом случае я возьму Нилли, – выдала она и хитро улыбнулась.

– Я не пойду с Николая и с тобой в том числе. Во-первых, у него есть пара, я в этом недавно убедилась. Во-вторых, сопровождение означает пару противоположного пола.

– Ну и что, Эмили! Наплюй. Ладно, Николая. Он привез студентку из Бланшира... Перед ней и правда неудобно. Но не в том суть. Я-то тебе чем не угодила? Ты ведь сама сказала, что я влиятельна, значит, вести себя могу чуть необычно. Нам нужно просить Риалион о помиловании, а они, очевидно, будут только на открытии. Не уверена, что нам повезет заманить их на неделю позже. Они могут сразу вернуться в столицу, посчитав дань уважения отданной сполна на празднике у Финиелей.

– Не знаю, я еще не разобралась с нарядом...

– Довольно нытья, я разыщу тебе кого-нибудь уже сегодня. К тому же, ты могла бы взять платье и у меня, – отрезала она. – Мне нужен утвердительный ответ, Эмили, это очень важно... А знаешь, что?! Если ты со мной не пойдешь, я со света сживу эту твою булочку! Вот правда. Ни один дом не примет ее, ни один человек не протянет ей руку помощи. Я тебе это гарантирую!

– Ты собралась шантажировать меня репутацией Ниоллин?

– Это слишком, ты права... Но не морочь мне голову, главная праведница Мистралей! Ты козни и похлеще строила, пока я нервно вздрагивала в сторонке. Ну же!

– Хорошо. Главное, чтобы платье было готово, иначе...

– Прекрасно! – она со звоном опустила чашку на каменную плиту, и просияла победоносной улыбкой.

Интересное предложение

Как только двери за моей налитой жизненной силой подругой затворились, я вернулась к эскизам и первые часы работала с остервенелой решимостью. Идеи переполняли голову одна лучше другой. Рисовать я любила, а еще любила одеваться со вкусом. Отец не раз возил меня с собой в столицу, и там было, где развернуться воображению. Мода белого города сильно отличалась от нашей далекой провинции, но это не означало, что она не являлась каноном.

Мне вспоминалась широкая, устланная кипенным известняком улица с чарующим названием Мон Фелован, на которой я проводила почти все свое время – бесконечные чайные лавочки, обувные магазинчики, парфюмерные, огромная ресторация и, конечно же, дома модисток, сверкающие тонкими стеклянными витринами, пестрящие своим разнообразием образов и сочетанием холодных оттенков. Вспоминались плиссировки и буфы, каскады лент, рюшей, оборок и бантов, муаровые робы с рядами воланов, испещренных кристаллами, кружевные вуали прикрепленные к чудесными шляпкам отделанным исключительным пертровелирским бархатом. А рядом мужские костюмы, украшенные пуговичками из цитрина, сердолика или янтаря. И среди всего этого великолепия два возвышающихся ювелирных дома: «Пляс Толего» и «Чаровня Мистраль».

Вспоминались моя холодная неприступность, горделивая, ленивая походка к хрустальному прилавку, острый требовательный взгляд отца и теплота, укрывающаяся от посторонних в глубине его зеленых глаз. Глаз, которые я могу увидеть теперь только в отражении зеркал.

В груди непреклонно расплзалась холодная пустота. Сизая тишина, плотно обволакивающая вокруг, давила все сильнее, полновесной правдой оседая на мои плечи такой тяжестью, что мне перестало хватать воздуха. Отца здесь нет, мамы нет, брата нет, нет гувернантки, прислуги, конюха, единого звука нет. И под жестоким гнетом осознания своего одиночества меня накрыла паника.

В пустом доме так отчетливо слышен грохот дверного молотка, особенно если он столь пронзителен и нетерпелив. Я выдохнула, скомкала записку матери и выбросила из окна. Не хватало еще, чтобы Фиб на нее наткнулся и проболтался о моем крушении знакомым.

В дверях, к моему удивлению, стоял вовсе не наш пожилой управляющий, а улыбчивый Энтони. Только теперь его веселье действовало на нервы. Хотя, признаться, даже такой визитер принес некоторое облегчение.

Я ожидала хотя бы капли сочувствия, или, по крайней мере, приветствия, чтобы иметь возможность вдоволь насладиться своим праведным возмущением и выставить его вон в гневном порыве, а затем вернуться в сырую комнату к моему новому пристрастию – жалости к себе любимой, но, как ни странно, не дождалась ни того ни другого.

– Я все не мог понять, – молвил он своим мягким голосом, – и вот догадался. Вы и есть леди Мистраль!

– А какое это теперь имеет значение? – усмехнулась я. – Разве что вы не досчитались туфель моего отца.

Энтони помрачнел, хоть и старательно это скрывал под веселой ухмылкой. Выглядел он безупречно. Парчовый васильковый костюм с золотыми заклепками, из-под которого выглядывал накрахмаленный белый шейный платок, узкие шерстяные штаны, высокие начищенные сапоги из той же лоснящейся кожи, что и ремень.

– Можно мне войти?

Я нехотя отошла в сторону. Впускать его не хотелось – и так без нежелательных посетителей на душе кошки скребли, но уж больно вид у него был настойчивый, а меня одолевала настолько сильная слабость, что, казалось, будто жизнь покидает тело. Спорить с ним бессмыс-

ленно, поддерживать разговор также. Развернувшись, я пошла в библиотеку, где безучастно опустилась в глубокое мамино кресло.

Немного погодя вошел Энтони. Проществовал по-хозяйски по комнате, осматривая каждый ее уголок и нерадостно кивая своим мыслям, что начало меня немедленно раздражать.

– До меня дошли слухи, что дом вы покинули и еще не определились с ценой. Вероятно, даже вознамерились выставить его на аукционе? – произнес он и прошелся пальцем по пыльной полке, наблюдая за тем, как проявляется цвет мореного дуба.

– Ничем не могу их подкрепить...

– Признаться, я рад этому. И если вам оттого спокойнее, знайте, я никому не передал свои предположения на ваш счет.

– Какие?

– Те, – протянул Энтони, потер между пальцами скатавшуюся грязь и с неудовольствием достал платок, чтобы стереть ее отпечатки. – в которых вы безликой тенью бродите среди своих руин, умываетесь слезами и питаетесь воспоминаниями.

– Вы все еще стоите в моем доме, господин Финиель, – я едва сдерживала гнев. – Держите при себе подобные высказывания.

– Поверьте, я не спроста говорю вам эти вещи. Я долго думал и решил прийти как друг.

– Я знакома с вами не более двух минут, друг, но вы уже не постеснялись наградить меня неурочным, непрошеным визитом, никак пока не обоснованным. К тому же успели с порога задеть меня. Полагаю, это у вас семейное...

– Не понимаю, почему люди любят сравнивать меня с Томасом, – он с легкостью проигнорировал суть моего недовольства и развернулся на носках в мою сторону. – Меня привело к вам неудержимое любопытство...

– Будем надеяться, вы успели его утолить, – перебила его я. – Прошу вас, не задерживайтесь, я устала.

– Его же приведет к вам ему одному свойственная звериная ненасытность, – окончил он фразу. – Я знаю, отчего вы устали, Эмили, и хочу попросить вас позволить мне вам помочь. Вас ведь Эмили зовут?

– Помочь с чем? Определиться с ценой? – саркастически ухмыльнулась я. – Спешу вас огорчить, но вам придется ждать этого события вместе со всеми остальными падальщиками.

– Я видел людей, похожих на вас, – он совершенно не обращал внимания на оскорбления и одарил меня мягкой, но в то же время самоуверенной улыбкой, – хладнокровных, стойких воинов, переживших беды, от которых рассыпались города, гордостью сгоняемых в свои опустевшие родовые замки в оглушительную тишину и слепящую темень. Скажите, вы так же хотите сгинуть здесь от старости или голода в одиночестве?

– Я не одна. И пока я жива, господин Финиель, клянусь, вы не получите ни камушка от моего поместья, – я начала выходить их себя. – А теперь убирайтесь!

– Я не это имел в виду, – он придвинул кресло и сел напротив, – вы настолько одичали в своем горе, что не слышите ни единой ноты, помимо корысти. А я ведь и правда не желаю вам зла. Я хочу вас понять, – он рассматривал меня, задумчиво растирая переносицу указательным и большим пальцами. – Не скрою, меня привел сюда не один интерес. Мне хотелось увидеть, что я потеряю, если вы не согласитесь продать это место, но... Я не собираюсь отбирать у вас его силой.

– Я уже повторяла свою просьбу. Прошу вас, покиньте мой дом.

– Вы не запуганный серый мышонок, – сказал он, – по крайней мере, я вас таковой не считаю. Неужели в вашем арсенале не осталось ничего, кроме того, чтобы выгонять людей из, (пока еще), вашего дома?

Очевидно, в этот момент мне было не скрыть свою уязвленную гордость, но я все же попыталась прикрыться безразличием.

– Такое чувство, будто у вас созрел совет, и он взорвется в вашей голове, если вы им не поделитесь, – бросила я ему раздраженно. – Так давайте же побыстрее, ведь я устала именно от вас, милорд. Вы быстро утомляете.

– Извольте. – довольный прищур Энтони не нуждался в пояснениях. – Я хотел бы обговорить с вами план покровительства моей семьи.

Я проглотила обидные слова и пристально посмотрела ему прямо в глаза.

– Что привело вас к мысли, что мне может понадобиться чье-то покровительство, господин Финиель? Мне, Мистраль?

– Вы породистая птица, Эмили, с этим не поспоришь. Вам есть, чем гордиться: именем, историей, этими развалинами, что вокруг вас, – он скептически обвел комнату взглядом. – Но вы одна...

– Перестаньте это повторять. Я совсем не одна!

– В этом доме нет ни души, если не считать наши две, – пожал он плечами. – Разрешите мне продолжить? Вы молоды, разорены, бесправны и брошены. Вы лакомый кусочек для каждого коршуна наверняка не первый день кружащего над вашей головой... могу поклясться, что в очень скором времени покровительство над вами примет Риалион, и тогда вас сильно удивит результат их вмешательства.

– Чем лучше брак с вами?

– Со мной? Нет-нет, вы не так поняли. – он весело рассмеялся, позволив себе мимолетную заминку, которая, казалось бы, должна была смягчить мое настроение, но привела как раз к обратному эффекту. – Я помолвлен, и говорю совсем не о таком предложении. Я имею в виду опеку главы рода.

От его неожиданного заявления я потерялась. Слишком уверенная в своем имени, старинном родовом поместье оставшимся за мной и красоте наконец, я в полной мере полагала, что он предлагал именно брак, и поступила слишком опрометчиво, поведя себя привычно грубо и холодно, с удовольствием примеряя свою старую изношенную роль. Ведь мне нужно замуж, и этот вариант был бы идеален: мои деньги, потерянные земли – все могло бы быть возвращено! Но в моей голове и мысли не пролетело в этом направлении, пока он не сообщил о помолвке. Мне нужна помощь. Мне требуется помощь!

Я с тоской посмотрела в окно. Свет тусклой настольной лампы едва отражался от стекла. Скоро и этот огонек погаснет, а комнату будет освещать лишь серое набухшее небо. Действительно, что я могу, кроме как настаивать на своем временном владении никому не нужных угодий? Я здесь совсем одна. Мама была последней крупинкой, связывающей меня с ответственностью за поместье. Нужно ли мне все это? Может, пришло время задуматься о себе, наконец? Я зло мотнула головой, отгоняя эти мысли. Отказаться от имени, предать весь свой род. И пусть так бы сделали другие, но это поместье строил мой прапрапрадед не для того, чтобы однажды в его роду появилось слабое звено и выкинуло все в один момент, и только потому, что это звено – женщина, слабая и неуравновешенная.

– Почему вы хотите мне помочь? – поинтересовалась я.

– Потому, прекрасная леди, что вы мне понравились. Правда, понравились. Ваша сила духа, дело, которое вы затеяли, даже это крайне непригодное к жизни хозяйство, что вы развели в дальнем углу сада. Мне известно и это, я был у вас утром.

Щеки полыхнули румянцем стыда, но я вынесла и это унижение.

– Сомневаюсь, что дело в этом, – сказала я. – В чем ваша выгода?

– Выгода и причина не всегда однородны. Но не скрою, выгода есть.

– В чем же она заключается? – настаивала я, глядя в его голубые глаза в поисках отблеска правды. Или какого-нибудь отблеска. Он был столь притягателен, что я не сразу сумела отвести взгляд. Волнистые волосы цвета меди, аккуратно собранные черной лентой, красиво очерченные губы, длинные ресницы, чисто выбритое лицо. Вдобавок он очень приятно пах – свежими

духами и дождем, осенью под теплым пледом, желтыми листьями клена, огнем пылающего камина...

– А разве вы сами не догадываетесь? – оторвал он меня от раздумий.

Не сразу, но я покачала головой, вспомнив свой собственный вопрос и, должно быть, слегка покраснела.

– Вы уже упоминали об этом. Ваше имя. Нашей семье может быть выгодно укоренить в памяти города право на вас, пусть и временное. Вы умная девушка, вас не может ранить такая откровенность.

– Право на меня? – переспросила я, чувствуя, что в душе дрогнул тот хрупкий живой огонек, что так старательно разгорался в эти минуты.

– Опекун временно получит право на ваше имущество и вас: как вы знаете, некоторые сделки под сенью древнего имени легче заключить.

– Какие именно сделки?

– Вам интересна политика?

– Нет.

– Значит, для вас это не будет иметь никакого значения. Но я говорю о той выгоде, из-за которой моя идея может прийтись по душе моему брату, а вот что на счет вас...

– Не понимаю! – перебила я его. – Ваш брат не знает о вашем предложении?

– Я открою ему свою идею, как только получу на это ваше согласие, не ранее.

– Хм, какие близкие у вас отношения, – хмыкнула я. – Похоже на конкуренцию.

– Я не соперник Томасу. Он сделал все возможное и невозможное для меня, теперь я хочу расплатиться с ним тем малым, на что годен. Вы когда-нибудь бывали за границей?

– Конечно, нет.

– Хочу поделиться с вами маленькой семейной тайной: те земли от реки до края заросшего голубого холма принадлежали когда-то нашему прадеду. С вашей помощью я сумею отвести это место.

Я прикусила губу, задумавшись над тем, чего еще не хватало этой семье. За времена продолжительной войны Темный лорд частенько откусывал куски нашей светлой земли, сопровождая это действие кровопролитными битвами и потерями обеих сторон. К чему обращаться со столь невыполнимой просьбой?

– Мой брат не так давно получил свой титул вместе с местом в королевской палате, – не замедлил объяснить Энтони, – но уверен, вы так же, как и я, осведомлены, что я лично представляю младшую ветвь и не имею права на имя и привилегии рода, к нему прилегающие, поэтому в скором времени я стану частью рода Мелидуг – рода моей невесты, и мой новообретенный замок с землями сменит имя хозяина. Я хочу передать тот кусок земли брату и оставить за собой некоторую запятую в нашей истории.

– Глупая идея, – заключила я без намека на одобрение.

Похоже, мой вывод его обескуражил, потому что он выпрямился и принял деловой вид.

– Теперь расскажите о моей выгоде, – попросила я.

– Покровительство Финиелей для вас сама по себе одна большая выгода. Вы в любом случае нуждаетесь в опекуне. Им может быть либо Риалион, либо мой брат, если выкажет желание на это. Вопрос лишь в том, хотите ли вы жить или только выжить.

– Не Риалион пришел в мой дом, – напомнила я. – Итак, что еще вы можете предложить? И я бы хотела нечто действительно существенное. Вы получаете древние земли в подарок брату, но что же получаю я, кроме предельно шаткой надежды на удачную партию?

Минуту поразмыслив, Энтони сказал:

– Я договорюсь, чтобы ваш долг списали. В противном случае оплачу его из личных средств, но тогда, Эмили, вы будете должны мне услугу.

– Вы сделаете это только за то, что я соглашусь на ваше покровительство? – Соблазн был слишком велик. Я взволнованно всматривалась в его лицо, боясь потерять голову.

Он накрыл обе мои руки своими и склонился поближе.

– Поверьте мне, Эмили, я делаю это, чтобы помочь вам. Я хочу вам добра, вы достойны его.

И я согласилась. Невероятным образом в моем сердце поселилась надежда на успех, согретая этими крепкими, теплыми ладонями. Я бережно переложила ее в дальний угол разума и схоронила за оплотом из равнодушия и вежливости вместе с этой его доброй улыбкой и блеском голубых глаз. Осторожно отняла руки и выпрямилась. «Всегда есть подвох, всегда что-то может пойти не так», – напоминала я себе, но, похоже, я теперь падка на любое, даже мимолетное проявление участия ко мне, и это к добру не приведет. Младший Финиель помолвлен, брат его сноб. Еще неизвестно, согласится ли он на это затратное и к тому же бессмысленное дело, потому что я была абсолютно уверена, что такому, как Томас Финиель, завоевавшему себе титул у королевы и получившему место в узком кругу палаты, мое «громкое» имя без надобности.

– Когда вы собираетесь рассказать ему о вашей идее?

– Для начала я хотел бы представить вас ему, скажем, на открытии праздника Ста свечей в нашем родовом замке через четыре дня. А пока я подготовлю почву: хочу, чтобы у него осталось хорошее впечатление о вас.

Действительно, под покровительство можно брать отпрысков древних родов, если у них кристально чистая репутация и добрый нрав, дабы не запятнать честь семьи, а как раз-таки возвысить ее. А я уже и так выставила себя в весьма непригодном свете. Необходимо это исправить.

Перед тем как он переступил порог я остановила его, бездумно поймав за руку.

– Вы сказали, выгода и причина не всегда однородны. Так в чем на самом деле причина вашего предложения, раз она не в выгоде? И не говорите вновь о моей стойкости духа, я вам не верю.

Он тепло улыбнулся мне, прислонился к дверному косяку, но не выпустил моей руки. Немного подумав, рассматривая мое лицо, он вдруг вздохнул и ответил:

– Я чуть не потерял друга, испытавшего знакомое вам чувство безысходности. Однажды темным приглянулась плодотворная земля его владений. Им хватило его трех-дневного отъезда, чтобы завоевать и сжечь весь город дотла. Остался только его родовой обособленный замок, но и туда они успели наведаться, погубив при этом всю его семью, – рассказал он, не отрывая взгляда с моего лица. – Мы разбили врагов и выкинули их со светлых земель, но, как вы сами понимаете, месть не возродит из пепла обугленные дома, погибший урожай или скот, а ему не вернет молодую жену и деда. Я помню, во что он превратился, и узнаю это в вас. Вы не молитесь о помощи, отвергаете любые попытки подобраться к вам, и вскоре этот дом превратится в склеп ваших воспоминаний. И у вас нет такого человека в жизни, который бы вырвал вас из этой трясины.

Он ненадолго замолчал и вздохнул, глядя в мое лицо.

– Мы начали приобретать собственность Мистралей почти год назад, а ваше положение с тех пор ничуть не улучшилось.

Последняя его фраза заставила задуматься, но лишь до тех пор, пока голова Энтони не склонилась и не подарила самый нежный и кроткий поцелуй моей ладони.

– Желаю вам доброй ночи, Эмили. Надеюсь всем сердцем на скорую встречу, – тихо и чуть хрипло проговорил он.

Ошеломленная, с пылающими щеками, я так и осталась стоять на месте даже когда его силуэт растворился во мгле.

Воспоминание

Ночью ударили заморозки, и я проснулась. Несмотря на то что я спала не на полу, а на вполне удобной широкой кровати, холод пробирал до костей. Громко стуча зубами и поджав ноги так, что сводило мышцы, я мечтала поскорее провалиться обратно в сон, но он, как назло гонимый путаными мыслями, никак не желал накрывать меня желаемым забвением.

Я думала о том, добралась ли мама и где она сейчас, но от этих мыслей ком поднимался к горлу и становилось тяжело. Всполохи образов метались встревоженной стаей, и перед глазами предстал мой неровный, заросший сорняками огородик. Что будет со всем этим?

Нужно было так много успеть: решить, что делать с участком, с хозяйством... Но это не будет иметь никакого смысла, пока не прояснится мое положение. Каких усилий будит стоить наша с Энтони авантюра? Стоит ли игра свеч? А если да, то мне необходимо действительно достойное платье. В меру строгое, чтобы произвести благоприятное впечатление на лорда Финиеля, но не выделяющееся вычурностью, а затмевающее элегантностью и чувством вкуса. Слегка открытое и довольно роскошное, чтобы не бросалось в глаза отсутствие на мне драгоценностей.

Ах, было у меня однажды именно такое платье. Двадцать пять рядов воздушного, гофрированного батиста ниспадали длинным, в два шага, шлейфом юбки. Четыре оттенка голубого плавно стекали с белой, глухой блузы и разливались невесомым полукругом. Оно не нуждалось ни в украшениях, ни в вышивке. Оно было безупречно, как и вечер, на котором я порхала в нем.

Тогда мне сделали два предложения руки и сердца, я станцевала двенадцать танцев, три из которых с отцом и один с братом и совершенно выбившаяся из сил, но покрасневшая и довольная прибыла домой. Спать не хотелось – хотелось петь, хотелось поскорее дожить до утра и посмаковать свои отказы руки и сердца несостоявшимся женихам, хотелось выйти в сад и подумать, вдохнуть вечернюю прохладу, прочистить ею разум и смеяться, смеяться от счастья, от молодости и силы своей необыкновенной эффектности. Мне казалось, весь мир вскоре ляжет к моим ногам. Мне казалось... ах, впрочем, в заливающем ливнем саду уже была мама, задумчиво склонившая голову и устремившая взгляд куда—то вглубь пруда. Над головой у неё переливаясь голубыми линиями висел купол скрывающий её от дождя.

Я заглянула в библиотеку, но и там в компании двух приятелей сидел отец. За едва откупоренной пыльной бутылкой шло бурное обсуждение вопросов, казавшихся мне в ту пору скучными и безжизненными: надежность векселей, влияние гильдии ювелиров на кредитование и нестабильность современного фармацевтического рынка.

Отец, не отрываясь от бокала, через слово поправлял вильтийский приятеля, терпеливо выслушивая его доводы. Время от времени он прерывался на кашель, прикрываясь кружевным платком, и его взгляд скользил по записям на столе, проверяя их скорее из вежливости, чем из подлинного интереса.

Последним моим излюбленным местом была ученическая. Со дня моего блестящего дебюта всякая необходимость в обстоятельном образовании угасла. Я знала достаточно для уважающей себя леди, а более и не требовалось – по крайней мере, я сумела убедить в этом родителей.

Я скользнула на лестницу, мягко ступая по прохладному полу. Поместье тонуло в вязкой, дождливой тишине, но ночь была слишком хороша, слишком полна сладкого ощущения свободы. Дождь барабанил по карнизам, стучал в стёкла, будто просясь внутрь, но здесь, в тёплом сумраке, он лишь добавлял чарующую нотку уединения.

Дверь в ученическую поддалась с лёгким, приветливым скрипом. В комнате было темно, лишь из-за тяжелых штор пробивался тусклый свет одинокого фонаря во дворе, отбрасывая

дрожащие тени на пыльные книжные полки. Запах старых бумаг, чуть влажный, напитанный ночной сыростью, щекотал ноздри, но я не спешила раздувать свечу.

Дамиан ненавидел это место. Он жаловался, что ученическая отняла у него лучшие годы жизни, и потому вряд ли появился бы здесь теперь. Значит, мне нечего было бояться, пока я, напевая что-то лёгкое, кружилась в полумраке, позволяя подолу взметнуться, а теням на стенах – заиграть причудливым танцем.

Я уселась на стол, болтая ногами, и наугад вытащила свиток с полки. Почерк Дамиана был слегка угловатый, но писал он аккуратно и выверенно. Я хмыкнула, пробежав пальцами по строчкам и обнаружив на столе стопку книг, схватила самую здоровенную и перебралась в удобное глубокое кресло напротив.

Надпись гласила: «Трактат о виталистических воззрениях Древней Греции». Интересно, почему именно такие сборники философских мнений особо внушительны, тогда как действительно волнующие романы тонки до нелепости?

Полистав увесистый фолиант в поисках картинок, я задумалась о своем и незаметно уснула.

Разбудил меня звук резко распахнувшейся двери. Дождь прошел и комнату залила полная, яркая луна. Должно быть уже глубокая ночь.

Потянуло кислым вином и табаком, и дверь, с тягучим скрипом захлопнулась за спиной моего хмельного брата. Я брезгливо скривилась, безмолвно наблюдая за тем, как Дамиан тряхнул головой и с совершенно идиотской физиономией зашагал к старому учебному котлу, забитому всяким учительским хламом. Немного покопавшись, он достал бурдюк, откупорил, сделал первый глоток, обернулся и, заметив меня, поперхнулся так, что жгучая жидкость плеснула из носа. На моем лице расцвела злорадная ухмылка.

– Ты почему не спишь еще? – покашливая и утираясь рукавом, недовольно спросил он. – На время смотрела? Скоро второе биение.

Я положила книгу на стол, как раз наткнувшись на картинку.

– Видела. Я вообще много чего видела, – нагло приподняла я брови.

– Не умничай. Давай топай спать, пока тебя не хватились.

– Не пойду, – нахмурилась я, – я сюда первая пришла, а ты вот топай, ступай, скользи...
Делай, что хочешь, только подальше отсюда.

– Ты хоть поняла, что провякала, мелкая?

– Не называй меня так! – рявкнула я. – Угадай, кому влетит больше? Мне за то, что пришла вот мнение Аристотеля узнать, или тебе за пьянство и неизвестно с кем шлянство?

– Ну, из нас двоих это неизвестно только тебе, – почему-то развеселился он и отхлебнул из бурдюка, мечтательно прикрыв глаза.

Я разозлилась. Одно дело, когда он просто в доки играет, но это уже совсем другое.

– А Мэган это известно? – с ядовитой улыбкой спросила я. – Думал, я не заметила твоей странной веселости? Что ты опять натворил?

– Ой, не начинай, мелочь, и так тошно из-за твоей дурости, – пробурчал он, совершенно растеряв всю беззаботность. – Знаешь, еще вчера все это была попросту забавная шутка. Я и мысли не мог допустить, что твои игрушки могут обернуться во что-то серьезное. А теперь ты бы слышала отца! Вся моя жизнь катится в хреновую бездну из-за того, что моя сестра, видите ли, заскучала!

– Дамиан, – я наставительно повысила голос, – это не мелочи, и я не скучала. Это любовь. Настоящая, реальная, можно сказать, осязаемая. Такая на дороге не валяется, и уж точно не там, где тебя обычно носит.

– Да нет же, какая любовь?! – хмыкнул он, падая напротив меня на ученический стул. Выглядел он так, как обычно по вечерам: зеленые глаза пьяно блестели, курчавые волосы рас-

трепались, белая с утра рубашка не заправлена, измята и испачкана. Нет, служба ни капли не изменила его, скорее, обострила в нем все самое прескверное.

– Что ты заладила со своим детским бредом, – устало заговорил он. – О какой любви может идти речь, когда в деле замешано так много денег? Скажи мне, Эми. Ты ведь не глупа и не наивна, так о чем ты говоришь?

– О любви, конечно, она всему перевес. Разве ты не видишь, как хорошо все может обернуться?

– Выгода, Эми, запомни раз и навсегда. Все делается, делалось и будет делаться во имя, будь она проклята, выгоды. Хотя, не важно, тебе ли этого не знать? Но это все равно не имеет значения: не эту, так другую бы подсунули, – мне, видите ли, остепеняться пора. А как мне остепеняться на безродной кобыле, тогда как такие породистые еще на лугу и не замужем.

– Ты это о ком?

– О подруге твоей...

– А безродная кто?

– Не в ней дело, понимаешь?! Вот возьмем тебя, к примеру. Ты сегодня отклонила предложение Николая Ди Фебальта, а знала ли ты, что он твоей руки третий раз просит? Дважды ему было отказано сначала отцом, потом мной. Теперь спроси себя, почему, собственно?

– Я не хочу за него замуж.

– А почему?

– Ну, раз ты затронул выгоду, начнем с того, что здесь ее нет как таковой. Не говоря о его не самом завидном финансовом положении, он ужасно скучен, Дами, к тому же, невероятно чувствителен. Это совсем не сопоставимо. Мэган красива, как Венера, умна, как... Даже не знаю, вот как кто-нибудь отсюда, – я указала на книгу взглядом. – Больше того, она души в тебе не чает.

– А Николая, значит, ты безразлична?

– Конечно. Он желает озолотиться за наш счет и сбить меня в Калград.

– Ты только что назвала ту самую причину, по которой семья А Ла Фог вдруг вняла просьбам дочери. Только с одним небольшим нюансом. Речь идет о твоей жизни, а в случае с Мэган – о моей. Тебе безразличны судьбы людей, пока дело не доходит до себя любимой. В ее голове эту идею посеяла ты, а хочешь знать, почему? Потому что ты и шага ступить не можешь без этой твоей белобрысой выскочки. Ты боишься, что ее отец одобрит поступление и ты останешься здесь одна гнить в Сирине, а я уеду, как и собирался, и этот город превратится для тебя в железную клетку, но ты ведь не хочешь отбывать свой срок одна, тебе нужны сокамерники! Если она выйдет за меня, у тебя в один момент появится и любимая золовка, и окованный обязательствами пьяница брат, которого ты воспитываешь, воспитываешь и никак не навоспитываешься.

– Прекрати нести чушь! – возмутилась я. – Не разбивай ей сердце. Мэган обожает тебя, у вас будет крепкая, счастливая семья в родовом поместье. Не каждый день можно встретить такие сильные чувства...

– Не будет, Эмили! – ударил он по столу. – Как же ты похожа на отца! Вот стою перед тобой и распинаясь, пытаюсь разъяснить свою незначительную на ваш взгляд истину, а она никак не желает проскальзывать. Мне этого не надо! Мне не нужна жена, семья, имя. Я жажду свободы, хочу познать мир, уехать от этого проклятого раскола как можно дальше и познать чужие земли... Я хочу видеть магию – настоящую, а не это уродливое подобие, которым нас пичкают с рожденья, ограничиваясь половиной глиффов двери.

– Я не понимаю тебя... Ты наследник, единственный наследник рода Мистраль...

– Ты вообще многого не хочешь понимать. Половины вещей не видишь, игнорируя все, что тебе знать не надлежит. Ты будешь идеальной женой какому-нибудь высшему архимагу,

потому что никогда не видишь ничего дальше своего носа и совать его куда не попадя просто не сумеешь!

– Это не правда! Я вижу все! Как ты уходил с друзьями по ночам, как играл и беспробудно пил, я даже знаю о твоих дурацких похождениях, слышала о каждой прислужнице в поместье, с которой ты заводил интрижки. Я вижу то, что отказываешься видеть ты. Жизнь твоя катилась в бездну гораздо раньше, а теперь есть хоть соломинка, за которую можно ухватиться. Ты должен опомниться прежде, чем кончишь, как все эти блудные наследники, пропившие все состояние и бросившиеся с моста.

– Ничего ты не знаешь! Не понимаешь и не видишь. Возьмем, что угодно, – вспыхнул он и схватил со стола книгу, – вот эту книгу, к примеру, а знала ли ты, что она целиком и полностью написана великим Оуроном? Знала? Догадывалась? Знала, что это одна из немногих копий его трудов, не сгинувших в Межморье и не скрытых в застенках Киарана? А поняла ли, что каждая картинка писана его рукой и прячет ключ к магическим знаниям? – Дамиан бросил трактат передо мной на стол и склонился над ним, угрожающе буравя меня потемневшими очами. – Я не спал с прислужгой, потому что это бесчестно, но ты ведь никогда не поверишь в это. Я не хочу наследства, не хочу превращать свою жизнь в непроходимый тоннель уныния, как мама, но и это чуждо для твоего понимания. Ты привыкла видеть все в том цвете, в котором тебе удобно, – очередной удар по столу заставил меня испуганно подпрыгнуть. – А что до моих дурацких походов, так это не твоего ума дело, поняла меня? Ты поняла меня, Эмили?

Я несколько раз кивнула и раздраженно фыркнула, растеряв внезапно весь запал. Дамиан стоял надо мной молча, и на его лице стали проявляться отголоски той надменности, что столь присуща нашему роду. Этот взгляд заставил меня слегка сжаться в кресло.

Когда он выходил, то вдруг остановился у двери и, не оборачиваясь, произнес прежде, чем покинуть меня:

– Оба раза Ди Фебальту было отказано не потому, что он плохой кандидат тебе в мужа, – он состоятельнее многих в Сирине, не глуп и доброжелателен, он был бы тебе заботливым мужем. Но в первый раз я убедил отца, а во второй ответил сам отказом, потому, Эми, что ты его не любишь.

Ах, если бы я тогда его услышала, если бы правда поняла его намерения, то немедленно бы помчалась докладывать обо всем отцу. Тогда мы могли бы хоть что-то исправить, убедить его, отправить обратно наконец. Но я только фыркала и хмурилась, злясь, что брату удалось испортить такой прекрасный вечер. Точнее, ночь.

Прозвучало второе биение. Не выдержав бессонницы, я села на край кровати и опустила ледяные ступни в домашние туфли. Спустившись на кухню, я подбросила полено в едва живые угольки, погребенные под слоем пепла, и поставила греться воду. Перед глазами все еще плыло воспоминание, и, укутавшись в мамин плед, я поплелась за той самой увесистой книгой. Долго искать не потребовалось, потому что она была одной из тех редких вещей, которые я продавать почему-то не захотела.

Уже через полчаса я сидела за заваренными листьями шалфея, перед знакомой картинкой. На ней была изображена женщина в хитоне, державшая меч двумя руками над головой. Под картинкой надпись: «Энио», ниже продолжение мелким шрифтом: «Мы замечаем, как человек, одолеваемый вожделяниями, вопреки способности рассуждать, бранит сам себя и гневается на этих поселившихся в нем насильников. Гнев такого человека становится союзником его разуму в этой распри, которая идёт словно лишь между двумя сторонами». Вполне своевременное рассуждение – подумала я, приложила край чашки к губам и взглядела в Энио. Женщина выглядела воинственно, в нетипичных чертах лица отражалась злость, но не это привлекло мое внимание, а длинное драпированное одеяние, состоящее из куска ткани и пояса.

Я освобожу одно плечо – вот и привлекательность. Свободная ткань спрячет все остальное тело до пят – вот и скромность. Тонкий пояс на талии намекнет на женственность, а изящество драпировки, наложенной на сверкающий шелк, придаст изюминку вкуса.

Залпом допив взвар, я отправилась обратно. Сон как рукой сняло.

Пьяный Фиб

Следующие дни я планировала провести с умом. Первым делом нужно отказаться от аренды мастерской, ибо клиентуры не предвиделось, а новые заказы я могу изготавливать и на дому. Мама бы не одобрила мое решение. Да что там, она бы пролежала еще целую неделю в постели, узнав, что я притащила это свое бессмысленное развлечение прямо домой на глазах у соседей.

Я грустно шмыгнула носом, в душе что-то больно укололо, но я упрямо решила не начинать день с нытья и сырости.

Настроение не располагало, но, как случилось последнее время, поражая своим постоянством, когда мне показалось что хуже уже и быть не может, это хуже в виде совершенно невменяемого Фиба сидело на пороге моей мастерской. В порванной грязной ливрее, с ободраным лицом и наполненной наполовину мутной бутылкой в руке, он ковырял пошарпанным носком туфли подсохшие на солнце придорожные камни и не обращая внимания на прохожих, что-то заунывно посвистывал.

Раздосадованного этим видом народа на улице к превеликому и только моему разочарованию было много, люди нещадно кривились в его сторону не отказывая себе в изображении безграничного отвращения на ухоженных лицах.

Мне требовалось перевезти за день все свое скудное имущество в поместье и начать мерки, а мой единственный работник, похоже, меня в глаза не узнавал. Но я не падала духом, расправила плечи и закатала рукава. Да, еще год назад я бы и близко к нему не подошла, боясь осуждений, но Фиб работал на меня за мизерную плату, несмотря на то, что, скорее всего, получал предложения гораздо более заманчивые от семейства Финиель. Он остался при нас даже тогда, когда есть было откровенно нечего, и мы коротали наши несостоявшиеся ужины за одним столом, за игрой в доки. К слову, и стол этот вместе со всем гарнитуром не так давно ушел с молотка, уже догадываюсь, к кому. Ах, какой это был стол! Роскошный, с резными ножками и столешницей из драконьего дерева, в глубине которой тонкими прожилками бегала пылающая струйка холодного огня... Скоро и я так же как стол, стулья и буфет отправлюсь в тот же дом на правах... А нет, без прав. Появлюсь, как бесправная зверушка с одним только громким именем.

Боги, опять не о том... итак, я закатала рукава и потащила упирающегося Фиба к двери.

Брезгливо перекошенные свидетели, почему-то идти дальше передумали, а в моей, несколько неучливой просьбе именно так и поступить отказали.

Фиб бормотал несурезицу. Поднять его с первого раза я не сумела, как и с четвертого, пока он чуть не плюхнулся носом в лужу.

Как же жутко это бы выглядело со стороны. Хоть бы кто-нибудь помог дотащить его до двери, но нет же! Люди стояли и глазели на мои безуспешные попытки скрыть это безобразие за дверьми мастерской, и порицали одну меня. До меня долетали обрывки таких фраз как «До чего же докатилась», «Какое исключительное падение», «Так ей и надо, этой алчной гадюке» и «Скоро можно будет купить ее на блошином рынке со всей ее рухлядью, – это уже от невысокого лысого мужчины в светлом костюме с длинной, усыпанной камнями тростью в руке – я это приметила, запомнила и отложила в уме до лучших времен.

– Фиб, прошу тебя, – склонилась я к уху старика, – умоляю, пойдем!

– Вон, уже и ему себя предлагает, – поспешил догадаться мужчина помоложе в высокой конусообразной шапке с широкими полями. – И когда ее выставят в лупанарии, как думаете, Вианд? – его я узнала. Шафель Пиофон, младший сын четы Пиофонов. Мы с Мэган собирались отправиться к ним на пикник на следующий день после бала.

– Она мя бросила... – заплакал Фиб. – Бро-си-ла! Понимаешь ты?

– Да что ты творишь? – зло зашипела я. – Приди в себя, кто тебя бросил? Вот я! Фиб только махнул рукой, отчего покачнулся и, несомненно, скатился бы с трех ступеней у дверей, если бы не моя крепкая хватка.

– Да не ты! Тьфу те... Не вы! – исправился он.

– Вот видишь, – резонно заметила я, – не бросила. А теперь живо поднимайся!

– Нет, вы меня послушайте... – Фиб икнул. – Я ведь все делал, как она просила! Сколько лет! Сколько!

– И сколько же лет? – поинтересовалась я, натянуто улыбнувшись и присев рядом с того края, с которого он каждый раз намеревался укатиться.

– Кому сколько лет? – бедняга потерял нить мысли.

– Тебе сколько лет, Фиб? – на сей раз мой вопрос уже был серьезным.

Наш старый лакей потряс головой и поморгал, вдруг удивленно взглянув на меня расфокусированным взглядом.

– Мне?

– Да, тебе. Не мальчишка, а пьянеешь, как зеленый юнец.

– Я не пьян! – встрепенулся он и даже немного распрямился.

– Пьян, пьян, – уверила я. – Я в этих делах специалист. Могу поставить четыре медяка на то, что ты не сможешь войти... Ну, скажем, хотя бы вон в ту дверь.

Фиб глянул на дверь, затем с подозрением на меня, предчувствуя подвох.

– Мое предложение не вечно. Четыре медяка мне и самой пригодятся. А восемь будут очень даже кстати.

– А не нужны мне ваши эти паршивые медяки, барышня! Ничего не надо!

– Это нужно запить, – протянула я.

– Ага... – согласился он.

– У меня там три бутылки медовухи и совершенно свободный день.

Собравшись с духом, он громко вздохнул. Народ, обступавший нас, брезгливо запыхтел.

– А медяшки дадите?

– Дам! – уверенно солгала я.

Фиб встал, опасно покачнулся, но устоял и сделал первый шаг. Я вскочила вместе с ним, не сразу заметив, как прибыла подмога с другой стороны. Держа раскисшего на наших плечах Фиба, мы с моим неизвестным провожатым наконец-то проникли в мастерскую.

– Никогда бы не подумал, что ты умеешь вести диалог с пьяницами, – послышался знакомый голос.

– Мне пришлось учиться на брате. Не хотелось, чтобы отец отправил его в военное училище. Но, как ты и сам догадался, в этом так и не преуспела.

Николя Де Фибальт освободил меня от неподъемной ноши и провел моего удрученного работника к креслу, осторожно усадил и развернулся ко мне.

Да здравствует новое хуже, где же ты пропало? Нет, мне уже не кажется – вокруг меня определенно вращается воронка неудач. Стройный, выбритый и одетый с иголки, бывший поклонник никак не вписывался в список моих сегодняшних дел: надеть старое латаное платье, убрать в курятнике, соскрести с порога размазавшегося Фиба, сразить очарованием зарвавшегося аристократа своими потемневшими от бессонницы кругами под глазами. Нет. Никак не вписывался.

У меня осталось одно лицо, но и оно до жути похудело, а на лбу выступила испарина, и к нему прилипла непослушная завитушка.

– Я приходил к тебе вчера, – сказал он сдержанно. – И позавчера...

Мне оставалось лишь попытаться сохранить лицо, молча пожимая плечами. Изнурительно засосало под ложечкой. Голова кружилась, в глазах плыло, ноги ослабли, даже заплакать

не было сил. Я бессознательно коснулась горла, переживая приступ изжоги и раздумывая, как бы поскорей избавиться от Николая.

– Пойдем позавтракаем.

Лицезреть отекавшего от пьянства беднягу Фиба я желала в гордом одиночестве: не всем же раздавать билеты на лучшие представления об упадке рода Мистраль. Вдобавок отказывать человеку в столь благом порыве было бы бесчувственно. Прикинув, что завтрак за разговором не должен занять более двадцати минут, а дорога туда и обратно – десяти, я решила потратить эти полчаса, но поесть. После этого, вполне вероятно, более мне не придется встречать Николая, что само по себе сплошное преимущество.

Выдавив из себя блеклую улыбку, я позволила ему взять меня под руку и проводить во взволнованное море осуждающих разговоров, среди которых слышалось, что меня наконец купили, и теперь дело времени, когда моя стоимость упадет до рыночных цен. Интересно было бы узнать, какие они, эти цены, и насколько о них осведомлена толпа. Хотелось бы услышать совета настоящего знатока, а не возомнившего себя невесть кем невежды. А еще неплохо было бы услышать, за что же меня так ненавидят.

Едва мы дошли до чайного дома, Николай велел освободить место в угловой нише и направился к ней.

– Завтрак, горячий чай. А мне сливовицу покрепче.

Низенький подавальщик пару раз кивнул и ушёл, а мы молча смотрели друг на друга в ожидании заказа. Вернее, его однозначно ожидала я. Честно признаться, запахи еды меня сильно оживили. А вот мой старый знакомый не сводил с меня глаз по другой причине, в которой я ни капли не сомневалась, как и в том, что выглядела я настоящей оборванкой. Эта пугающая разница между мной год назад и сейчас была, очевидно, причиной столь откровенно изумленного выражения.

– Я не знал, – хрипло выговорил он.

– Твой отец направил ко мне твоего личного секретаря, – ровным тоном сказала я, – потому что на нашего у меня не хватило средств. Он до сих пор помогает мне.

– Я не знал, – повторил Николай, и я усмехнулась, отвернувшись.

Мы сидели не дольше пары минут, но с каждой секундой его озадаченный взгляд раздражал все сильнее, и я уже не была уверена в правильности своего выбора.

– Клянусь честью, всем, что у меня есть, в конце концов, Эмили. Я узнал обо всем, как только приехал... Я хочу помочь.

Вот это уже было интересно.

– Чем ты хочешь помочь?

– Всем, – собрался Ник.

– Мне нужно замуж, – прямо сообщила я.

Мои слова сразили его. Некоторое время он неподвижно смотрел в одну точку на столе, его лицо застыло в удивленном выражении. Затем он закрыл лицо руками и уронил на них голову.

Я поерзала на стуле в неприятном ожидании, как вдруг послышался громкий хохот. Злобный, горький, от которого все сжалось внутри.

Ник собрался и взглянул на меня, прикрыв улыбку кулаком, только вот глаза его были совсем невеселые.

– Какая ирония, – выплюнул он. – Были времена, когда я мог променять ядро магии на одну твою благосклонную улыбку, если бы это только помогло.

– Что же изменилось? – уточнила я.

– По правде говоря, взять тебя замуж сейчас я не смогу.

Его голос надломился, а во мне испарился всякий интерес. Вполне вероятно, он помолвлен, а может, и женат – меня не волновало. В тщетной попытке удержаться на плаву я гребла во

все стороны, захлебываясь волнами безысходности, и мечтала даже не о спасительной веревке – о доске. Я сама удержусь, был бы проблеск надежды.

– Что ты можешь, Николя? К чему этот разговор?

– В данный момент немного, но это не значит, что я не вправе иметь... – он запнулся, спрятал глаза и полушепотом продолжил. – Я мог бы выделить жалованье. Умоляю Эмили, если бы ты могла только подождать...

Я должна была опешить, задохнуться, зардеться наконец, но вместо положенного мне потрясения, я смогла только зверски разозлиться. Похоже, это моя реакция абсолютно на все подлости жизни.

– Знаешь, я бы, наверное, согласилась даже на такое, если бы в деле фигурировала... Скажем, сотня фросталей, – замахнулась я, ядовито улыбаясь. – Или даже две, я еще не определилась.

– Не слишком ли...

– Дорого? А сколько ты мне предлагаешь? – с вызовом запрокинула я подбородок.

– Ты же знаешь, что у меня нет доступа к таким суммам...

Я встала. Пусть потрепанная, пусть исхудавшая, но я нашла в себе силы взглянуть на него свысока:

– Ну что ж, в таком случае, я найду себе более щедрого покупателя, – схватив принесенную сливовицу, я залпом осушила пятигранный стакан и громко стукнула им по столу. Нарочито и пошло, но позорить было больше некого. – На будущее, милорд, не приценивайтесь к товару, стоимость которого вам не по карману.

Кольцо

Когда выходила, заметила звенящую тишину в зале и толпу любопытствующих взглядов, провожающую меня до двери.

Что ж, падать ниже было уже некуда. Некуда, я сказала! Сказала прежде, чем узнала человека, придержавшего для меня дверь.

Томас Финиель собственной персоной! Хотелось бросить что-то вроде «Опять вы!», но я прикусила свой неугомонный язык, рвавшийся сослать меня куда-нибудь поглубже Гран Фалла.

В горле клокотала ярость и огонь сливовицы, поэтому, выскочив на улицу, я позволила себе откашляться, прежде чем вертеть головой в поисках новых идей.

– Я провожу вас, – послышался за спиной голос лорда Финиеля.

– Что вы, вызовите брата, – не сдержалась я. Мне необходимо быть как можно дальше от этого человека, пока я не напакостила сама себе.

– Я бы не советовал говорить со мной в таком тоне, – произнес он спокойно.

Как не обидно, но следовало признать: к моему бушующему душевному раздраю присовокупилось ударившее в голову опьянение. И гонимая ими одними, клянусь, я метнула в него безумный взгляд, полный отвратительного презрения:

– Никогда не нуждалась в чьих-либо советах и уж тем более не от низших по происхождению.

Все, теперь можно было смело идти топиться – плакало его покровительство. Ни разу в жизни я не позволяла себе подобных высказываний, но как же тяжело мне было видеть, с какой неприязнью, с какой брезгливостью смотрят на меня все эти люди. И что хуже всего, мои слова Финиеля даже не задели. Да что же это? Почему он промолчал? По происхождению он, может, и ниже, но не по положению. Осталась мне одна дорога – на плаху.

Покуда я упивалась своими душевными терзаниями, он успел позвать экипаж, невозмутимо махнув рукой. Минуту спустя меня далеко не ласково впихнули в просторную карету, запряженную двумя чальми лошадьми, выдернув из уютного потока жалости к себе.

– Вам не стоило оказывать мне услугу, – промямлила я, – это здесь не в моде.

Томас упрямо молчал, поджав губы, все так же держась за дверцу кареты, оставаясь одной ногой на земле, другой на подножке и раздумывал.

Мне очень быстро надоело наблюдать за хмуро задумчивым хозяином экипажа.

– Точка прибытия Гранн Фалл? Светлый Варуан? Киаран? – клянусь, я потеряла остатки разума!

– Что натолкнуло вас на мысль, – заговорил он наконец негромко, но угрожающе, – что вы столь важная особа? Быть может, у меня нашлась сотня фросталей.

Его фраза оглушила меня звонче пощечины. Он все слышал! А еще кто? Правду говорят: язык мой – враг мой. Вон как моего несостоявшегося покровителя перекосили мои слова. Не надо было вообще из дома выходить, – шила бы из того, что было.

– Неужели вся ваша бравада на деле превращается в пыль?

– Ошибаетесь, – С вызовом я подняла голову выше – не в пыль.

Вот правда, бравада моя с новым вызовом никуда не девается, а только крепнет. Ну а то, что за словами стою маленькая ни к чему не пригодная я, совсем другое дело. Может, это у меня развлечение такое – «насоли себе сама» называется, где я мелю одну чепуху и рассыпаю все эту ересь, дабы развеять прах моей и без того растоптанной репутации.

– В таком случае... – он запрыгнул в карету, громким ударом захлопнул за собой дверцу и сел напротив. Не спуская с меня мечущих молнии глаз, стянул перчатку, а за ней массивный

перстень с мизинца, бросив его мне на колени. – Думаю, от вас как от дочери эксперта не утаить цену родовой печати. Приступайте.

В горле пересохло. Я окинула кольцо недобрым прищуром.

– К чему?

– К тому, за что вы берете сотню фросталей, – ровно выговорил он.

Должно быть, я раскраснелась от накалившей меня злости, должно-быть, из ушей дым-повалил!

– Вы... – прошипела я.

Томас с вызовом взглянул на меня, как ни в чем не бывало натягивая обратно свою перчатку, будто все уже решено, будто я приняла плату!

– Вы последний мерзавец! – вскрикнула я.

– А вы, виконтесса Аллабритская, дикая безумная бунтарка, – парировал он невозмутимо. – Скажите мне, раз высшее общество вам настолько претит, к чему вы так рветесь в него вернуться? У меня никак не получается проследить за логикой ваших поступков. Просветите меня, прошу вас.

Заметив, что отвечать я отказываюсь, ничуть не удивившись этому, он продолжил:

– Если же для вас это все-таки важно, объясните мне свое поведение. Выражаетесь вы, как вам только в голову взбредет, огрызаетесь, выступаете с постыдными тирадами в людных местах, впрочем, и наедине для леди сделанное вами сегодня заявление непростительно. А теперь вы позволили себе не только высказаться в присутствии председателя королевской палаты, вы решились на его оскорбление. Объясните мне, какой ветер буйствует в вашей пустой голове? Может, мне помочь вам найти лекаря?

– Да будьте вы прокляты! – пожелала я от чистого сердца. Стало даже обидно, что мои пожелания никак не сбываются. Хотелось даже швырнуть ему кольцо в лицо, но на это почему-то духу не хватило.

– Вы пропасть, Эмили, и тянете в нее всех, кто под руку попадется, но я не дам вам захватить и Энтони с собой. Вы понимаете, о чем я? Или стоит углубиться в подробности? Вчера ночью я узнал о его намерении на ваш счет.

Меня аж перекосило – ведь Энтони хотел для начала подготовить почву, а не кидаться на брата с бредовыми идеями. Как же так?! Почему так сильно не везет?

– Я его мысль не поддерживаю, – подтвердил мою догадку Томас. – Я бы желал не иметь с вами дел. Позвольте, я объяснюсь, вам будет полезно это услышать. Моя семья под бдительным надзором общественности. Насколько я понял, от вас не укрылись сведения о том, что свое положение, как и место в совете, я получил относительно недавно, а ваши выходки поставят весь мой труд под удар.

Повисла тишина, нарушаемая разве что проезжающей мимо повозкой. Из лавки сапожника вышла парочка, о чем-то оживленно спорившая. Устав любоваться уличной идиллией, я вздохнула и сделала то, чего с таким напускным спокойствием ожидал Томас.

– Какие выходки? – сквозь зубы поинтересовалась я. Чем скорее покончим с нравоученьями, тем скорее я выйду из этой кареты, в которой меня, видимо, будут удерживать насильно, пока не проникнусь, так сказать.

– Сегодня, – не скрывая удовлетворения, заговорил он, – значительное количество людей имело несчастье наблюдать, как вы, ничуть не стесняясь, пытались затащить какого-то пьяного проходимца в свое заведение. Когда вам это не удалось, вы на глазах у окружающих заявили, что лучше других разбираетесь в пьянстве, и решились поспорить на деньги. Прилюдно. Затем вы пообещали пьянчуге распить с ним три бутылки медовухи, ибо у вас, как вы выразились, абсолютно свободный день. Затем вы вошли в свое заведение в сопровождении двух мужчин, не связанных с вами ни кровными узами, ни узами брака. И вышли с одним из них под руку,

направляясь в неподходящее благородным дамам место. Мне продолжать, или вы намереваетесь всплакнуть?

– Я подожду. Уверена, там еще много интересного, – я расплылась в ядовитый улыбку.

– Замечательно, – продолжал он как ни в чем не бывало. – Там же вы сделали своему спутнику предложение руки и сердца, а когда он ответил вам отказом, вскочили и отказались от участи содержанки, объяснив это несоответствующей расценкой. Влили в себя пойло, подходящее скорее матросу, нежели леди, и бодрым шагом направились плевать в меня ядом. Я ничего не упустил?

– Нет, все верно, – согласилась я, сверкая обозленными глазами. – Кроме одного. Это не ваше дело!

– Это было бы мое дело, – возразил он твердым голосом, – прими я на себя покровительство над вами.

– Я счастлива, что вы этого не сделали, – внутри меня бурлило жгучее желание отомстить. Как он может, не побывав на моем месте, так проникновенно осуждать мои действия?!

– Вы действительно выглядите довольной, – с издевкой подметил он. И снова меня поразило его сказочное нахальство, от которого темнеет в глазах и звенит в ушах.

– А знаете, что?

– Что?

Я мстительно взглянула на перстень. Раз я безумная бунтарка, мне полагаются сумасшедшие, мятежные поступки. С нас, с диких, и спрос иной. Ослепив его ядовитейшей улыбкой, я покрутила перстень в руках и надела его на средний палец. Ах, как же приятно было наблюдать как темнеет лицо моего спутника, озаренное багровым отблеском огня, вспыхнувшего в камне.

– Могу поздравить вас с благополучным заключением сделки, лорд Финиель, – с наигранным превосходством протараторила я. – Может, я и не блестящая чародейка, но о некоторых вещах даже я имею представление. Перстень вы отдали мне по своей воле, отныне родовая печать вашего дома моя по всем законам Межморья.

Наступил наконец долгожданный триумф! Но не тут-то было. Глаза Томаса налились кровью, а плечи заметно напряглись. Мне вдруг показалось, что он меня убьет, и я медленно попыталась стянуть перстень, который, видимо, перенял бесстыдный характер своего обладателя и отказал в моих лихорадочных попытках его вразумить, подло впившись в палец. В горле предательски пересохло, и я с опаской подняла глаза.

– Вы правы, – он произнес это таким ледяным тоном, что я невольно сжалась, – печать ваша. Но приняли вы ее по предложенной мной договоренности. Не припоминаете, какой?

С моих губ сорвался нервный смешок.

– Я требую перезаключения сделки, – бросила я, укрыв руку с перстнем другой рукой. При одном взгляде на его разъяренное лицо по спине пробежал холодок.

– Я вас слушаю.

Отведя взгляд и справившись с лихорадочно метаемыми в голове мыслями, пытаюсь уловить самые рассудительные, кои, вероятно, поступают в мою голову с некоторым непостоянством, собралась и, чеканя слова, проговорила:

– Я верну кольцо, а вы примете временное покровительство по договору, составленному мной.

Вот так вот! Ну и что с того, что на лбу выступил холодный пот, а в карете заметно потемнело. Мне терять нечего, все давно и бесповоротно позади.

– Вы принимаете меня за дурака? – поинтересовался он невесело.

– О, поверьте, дело не в этом, – ляпнула я и осеклась, наблюдая за тем, как сильно Томас стиснул зубы в набирающем обороты приступе бешенства, – я готова обсудить с вами все составляющие этого куска бумаги.

– Очень рад.

– Все не так плохо, как кажется, – уверила его поспешно. – Я многого не требую и обещаю вести себя тихо, мне лишь нужна твердая почва под ногами и... Портной. Он мне тоже нужен. Думаю, это вас не стеснит.

– Чтобы к вечеру этот ваш кусок бумаги, как вы выразились, был составлен. Я не имею привычки находиться без печати продолжительное время.

Хотелось напомнить, что нужно было думать об этом раньше, но я успела пресечь свой неблагородный порыв и, скромно сложив руки на коленях, поинтересовалась:

– Могу я видеть договор, составленный вашим многоуважаемым братом?

– Бойтесь ошибиться?

– Ничуть, – соврала я, прекрасно осознавая, что он это заметит, но все же не сдержалась.

Томаса не веселили мои выходки – он был свиреп, как тысяча оборотней при кровавой луне. Еще бы! Осознанно отдать самый важный в семье артефакт невесть кому в порыве злости. Уверена, в уме он упрекает себя в опрометчивости и поливает меня всеми возможными ругательствами. Он откинулся на спинку сиденья, устремил взор к потолку кареты и некоторое время молчал, затем прочистил горло и посмотрел на меня.

– Вы показали себя очень предприимчивой особой. Уверен, составить соглашение из пары пунктов вам удастся.

Он выскочил из экипажа и приказал кучеру:

– Отправьте госпожу Мистраль в замок! – а затем мне: – Не переусердствуйте, иначе я решу, что мне выгодней все оставить как есть. И ждать вас буду не позже седьмого биения. Иначе клянусь, вас постигнет участь в разы печальней той, что предложил вам тот щенок. Вы еще не раз проклянете себя за то, что не приняли его предложение.

Дверца за ним захлопнулась с такой силой, что вся карета содрогнулась вместе со мной, выбив из парчовых стен и подушек облачка пыли.

Меня слегка подташнивало. Что только что произошло? Я стала подопечной Финиелей по своим правилам? Не может же быть такого... Просто не может, чтобы мне вдруг так повезло! Последнее событие с трудом укладывалось в голове.

Зашлепали копыта, и карета тронулась. Наскоро все обдумав, я выглянула в окошко и углядела спину пожилого кучера.

– Мне нужно для начала на улицу Краснозобой казарки, это совсем недалеко...

– Не велено, – отозвался тот сиплым мало разборчивым голосом с нескрываемой неприязнью.

– А что велено? – уточнила я.

– Доставить в родовой замок.

– Замечательно! Туда и доставьте, но только после того, как я покончу с делами. Или ваш наниматель взял меня в плен?

– Он мне не наниматель, он мой хозяин вот уже семь лет!

– Ключевое слово здесь плен, – отмахнулась я, нахмурившись. Что за дела творит Томас? И во что я опять вляпалась? Что значит «хозяин»?

– Где эта ваша улица? – недовольно спросил он.

– Прямо и на повороте налево, – пояснила я отрешенно. В душу закрадывалось неприятное предчувствие.

Кучер хмуро кивнул и повернул лошадей.

– Я прошу прощенья за свою резкость. День не задался.

– Так ли он не задался? – пробубнил он.

Он что, решил, что я надурила его... «Хозяина»?

– Смотрите на дорогу, – крикнула я, решительно отбрасывая подозрения в дальний угол сознания. – Там будет вывеска «У свиристея» и невысокий помост для представлений.

И все-таки, как же благополучно обернулись последние неудачи! Ведь всего не более часа назад Томас Финиель направился ко мне, дабы лично отказать в покровительстве, и не случись этой последней ссоры, я бы сейчас переживала очередное фиаско.

Карета остановилась и я, не дожидаясь помощи, слетела со ступеней и помчалась к мастерской.

– Если поможете мне с вещами, мы успеем в замок до заката.

Кучер подобрался и пустился за мной со словами: «как это до заката?»

Влетев в помещение, я краем глаза отметила посапывающего в кресле Фиба и развернулась к кучеру.

– Этого берем с собой, – велела я и быстро направилась к полкам с тканями.

– Не положено.

– Послушайте, я собираюсь опустошить эту лавку до последней нитки. Можете себе представить, какой удар хватит моего бедного управляющего, когда он протрезвеет?

Человек передвигался медленно и припадал на одну ногу, тем не менее, это не помешало ему определенно резво развернуться и направиться обратно к экипажу.

– Ну послушайте... Вы любите рыбалку? – я ухватила его за рукав, когда он уже потянулся к двери. – Я покажу вам место, где река кишит севрюгой, а берег гладок и укрыт деревьями. Поверьте, такое место стоит не одной взбучки, вы мне еще спасибо скажете.

Кучер призадумался, но, как оказалась, я попала в яблочко, потому что он пошел помогать Фибу. Я вышла на крыльцо, едва переставляя ноги под тяжестью деревянного сундука со швейным инвентарем и остатками черных тканей, использованных ранее матерью для особых заказов, не глядя на дорогу.

– Леди Мистраль? Это вы? – Голос, раздавшийся прямо передо мной, заставил меня подскочить от неожиданности. Руки разжались, сундук с грохотом рухнул на порог, а все мое добро рассыпалось по ступеням.

Худоцавая рыжая девчушка, чей звонкий голосок выбил у меня в буквальном смысле почву из под ног, кинулась собирать разлетевшиеся вещи.

– А мы вас тут давно ждем. – сообщила она. – Стучались, но никто не ответил. Совсем солнце сегодня печет, вот мы и отошли в сторонку и чуть вас не проглядели. Еще вчера такой ливень стоял прям стеной, а ночью как ударит мороз! А сегодня жарница. Вы понимаете, как это вообще? Ясное дело, темные сбрендил, ничего не скажешь.

Я удивленно огляделась. За склонившейся над рассыпанными кусками ткани девочкой стояла невысокая женщина и наблюдала.

– Вы за заказом? – предположила я, хотя странно, ведь Фиб должен был разнести их все, раз я сказала, что уже покончила с этим.

– Не-а. Мы за работой, – рассмеялась юная незнакомка, аккуратно и умело сворачивая бумагу для выкроек. – Мы и сами можем заказы принимать. Мы портнихи: я белошвейка, а портниха она, – кивнула она в сторону женщины. – Я Семила, а ее имя Веодет. Вообще-то у меня уже есть место, но вот у Веодет нету совсем.

– И что же?

– Неужто вам помощница не нужна? К тому же такая рукастая, да и платить ей по сезону не надо: один ночлег да каша с хлебом.

Еще одна удача с неба свалилась – я чуть не улыбнулась. С другой стороны, с чего бы? Рядом истуканом стоял недовольный кучер, держащий давно поломанные пяльцы и хмуро разглядывал девушку.

– Это моя... – Семила запнулась, ойкнула, уколотившись булавкой, и сунула палец в рот, так вместе с ним и продолжила рассказывать. – Тетка моя, на праздники приехала, – вынула палец, подула. – У нас места нет, вот и решили ее к вам пристроить. Все слышали, мол, коморку-то вы открыли, а делишки все не идут. Не обеднеете, чес-слово. Берите, пока предлагают!

– А что с ней? – покосилась я в сторону молчаливой, угрюмой Веодет.

– Так ей язык отрезали, – пояснила девчонка так просто, будто говорила об оторванной пуговице. – Она, между прочим, тоже на границе жила, из города Восстания, между прочим. Видите, какая загорелая.

Загорелой немая Веодет не была, только грязной и неопрятной. Взгляд ее был пустым и блуждающим. Но я и такой помощи была бесконечно рада: теперь не придется просить гневного лорда о портном.

– И шьет она не в пример лучше меня, – уговаривала Семила.

– Вы же сказали, что она портниха.

– Ну... Вот и говорю, что лучше.

Я понятно кивнула и захлопнула крышку сундучка.

– Вот что, Семила, передайте мою благодарность работодателю и ступайте, спасибо. А вы, – посмотрела я на немую портниху, – тащите из мастерской манекен, – Веодет присела в поклоне и отправилась исполнять. – И захватите ножницы, длинные, они, кажется, на столе остались, – вдогонку бросила я. День преобразался.

У меня в запасе двое суток с половиной, чтобы претворить в жизнь свой первоначальный план. Помощница, карета, теплая комната в замке и горячая пища – все, что требуется, чтобы со сравнительным, но успехом доказать, чего я стою. Особенно хотелось умыть Томаса, представившего меня исчадием тьмы. Надо же, я сумела постоять за себя: помогла слуге не валяться на пороге, жестко ответила мужчине, который предложил мне стать его любовницей, нахамила наглецу, пожелавшему получить от меня то же самое за родовой перстень. Да пусть он хоть семь раз представитель палаты! Законы должны быть для всех одни. Будь на моем месте мужчина, его бы восхваляла вся округа. Но нет. Мне надлежало беспомощно молчать и жалобно хлопать глазами.

Решительно обхватив сундук, я твердой походкой направилась к экипажу.

Темный замок

В жизни каждого случаются переломные моменты. У кого-то их много, так много, что все их дни переполнены незначительными волнениями, подобно ряби на поверхности холодного озера. У других полный штиль, их воды зеркальноотражают безоблачное небо. Но вот однажды, нежданно-негаданно, стихия сбегает за береговую линию, смурые тучи наливают небо и поднимается суровая волна перемен. Она надвигается с такой мощью, что не верится глазам, обрушивается на устоявшуюся жизнь, не щадя ни разум, ни здоровье, поглощая все, что имело когда-либо значение.

Так случилось с моим отцом.

Он жил в бесцветной рутине с незыблемой уверенностью в завтрашнем дне. Родился и вырос в состоятельной семье первых поселенцев Сирина. С ранних лет обучался древнему семейному делу, бравшему начало еще со времен Пустого мира. В юности окончил «Семь кораблей», а после возвращения с двухлетней службы женился по старой договоренности родителей.

Есть некоторое преимущество в распланированной наперед жизни. К примеру, отец мог предугадать раннее наступление весны, прибытию кочевников, скачку цен на золото и по своим расчетам правильно вложить деньги или продать ценные бумаги. Его связи ограничивались узким кругом проверенных партнеров, а потому были очень надежными. Он с уверенностью распоряжался судьбами домочадцев, имея, по его мнению, благие намерения, ресурсы, знания и – самое главное – стабильность. Прибыль наша неизменно, хоть и медленно, росла, больших перемен не предвиделось. Наш дом, вращаясь все глубже в землю Сирина, постепенно крепчал, но сила его держалась лишь на отце, который могучим дубом возвышался над остальными обитателями поместья. Даже сильные грозы не могли прогнуть его ветвей, а вот настоящая буря вырвала с корнями, хрупким пеплом разметав его листья по улочкам городка.

Его проблема заключалась в том, что он не мог и вообразить, что люди, к которым он так привык, которым столько зим доверял, захотят сыграть против него. И как только понимание этого странного факта просочилось в его мысли, ему немедленно отказало здоровье. Он не был готов, он медлил, каменел все сильнее, с каждым днем пребывая во все большем ужасе от происходящего.

Тогда я стояла в стороне и наблюдала, как гаснет вековое светило Мистраль. Я ожидала от него невероятных подвигов. Я всегда полагалась в первую очередь на отца, как и положено изнеженной незамужней дочери виконта.

Но все позади. Сегодня я закалена событиями прошлого, а оттого крепка духом и знаю: в момент шторма нужно думать и полагаться только на себя. Нужно быть хитрой, изощренной, злой, если понадобится, готовой вынырнуть из-под давящей толщи воды и обломков и выжить.

Кое-как затащив Фиба в дом, я наскоро собрала сундук своего скудного тряпья и бросила в него сверток, решивший судьбу моей семьи в одно осеннее утро.

В замок мы прибыли к шестому биению. До назначенной встречи оставался целый час. Дневной свет уже погас, и сумерки обволакивали лесистые холмы, поднимая луну повыше – за высокие шпили чернеющего замка, тень которого расползалась по каменистой дорожке, облизывала сухие, голые деревья и кусты, окунала душу в неуютное чувство тревоги.

У главного входа меня встретили несколько немногословных служанок, дворецких и ключник. У всех чинные выражения с неоднозначным налетом надменности в глазах. Как же капризна природа судьбы! Как сурово и неотвратимо она исполняет свой приговор! Вот она я, побитая событиями, стою в рваной одежде пред величественным взором моих прежних слуг, и чувство такое, будто я актер старой пьесы, случайно забредший на сцену нового спектакля. Лишняя. Чужая. Ненужная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.